

ВСЕМІРНАЯ № 281—36.

ПАНОРАМА

Петроградъ, 5 сентября 1914 г.

Условія подписки на „ВСЕМІРНУЮ ПАНОРАМУ“ на 1914 годъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ:

За 1 годъ—2 р. 50 коп., за 6 месяцев—1 р. 50 коп., за 3 мѣс.—80 коп., за 1 мѣс.—30 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

За 1 годъ—8 р., за 6 месяцев—3 р. 50 коп., за 1 мѣс.—50 коп.

Адресъ: Петроградъ, Т-во Издательскаго Дѣла „КОШВИКА“, Лиговская, 111-118 (собственный домъ).

На ст. ж. д. цѣна **6 коп.**

5 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи

Ихъ свидѣнію

Г. Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Военная гроза, разразившаяся надъ міромъ, не могла не создать препятствій для правильного теченія нашего издательскаго дѣла. Отсутствие необходимаго количества бумаги и иныхъ матеріаловъ заставило насъ временно приостановить печатаніе бесплатныхъ приложений къ журналу „Всемирная Панорама“. Однако, Издательство принимаетъ мѣры, чтобы возобновить правильный выходъ приложений, и скоро будутъ выпущены въ свѣтъ очередныя книжки приложений къ „Всемирной Панорамѣ“.

Издательство надѣется, что, несмотря на ненормальныя условія, ему удастся выполнить, какъ и во всѣ предыдущіе годы, всѣ свои обязательства передъ гг. подписчиками.

1) ЧЕРТЕЖНИКЪ - САМОУЧКА.

Руководство для самостоятельнаго изученія техническаго черченія. Съ 64 рисунками. Составилъ Л. Галаный.

Цѣна книги 60 коп., съ пересыл. и налог. платомъ 75 к.

2) Какъ научиться рисовать?

Новая американская система. Валь Дейвизъ. Изданіе это по отзывамъ специалистовъ, преподавателей и художниковъ, заключаетъ въ себя полную и подробную графическую грамотность, служитъ лучшимъ пособіемъ къ наученію рисованія.

Цѣна полного курса 16 тетрадей 2 р. 25 к., съ пересыл. и налог. плат. 2 р. 65 коп. Выплачивается только по полученіи задатка по мѣсяцъ 1 руб.

Обѣ книги высылаются съ наклад. плат. въ 3 р. 20 коп., только по полученіи задатка (въ мѣсяцъ 1 руб.).

Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“, Петроградъ, Лиговская 111-113.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи

„ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“

(Шестой годъ изданія).

Въ 1914 г. „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“ выходитъ въ двухъ изданіяхъ:

1-е изданіе: 52 №№ иллюстрированного журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“.

Цѣна за первое изданіе: За 12 мѣс.—2 р. 50 к., за 6 мѣс.—1 р. 50 к., за 3 мѣс.—80 к.

2-е изданіе: 52 №№ иллюстрированного журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“ книги классической библиотеки „ВСЕМІРНОЙ ПАНОРАМЫ“.

включающей полное собраніе сочиненій: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, В. А. Кольцова, Н. Г. Помяловскаго, С. Т. Аксакова и А. А. Марлинскаго.

Цѣна за второе изданіе: за 12 мѣс.—6 руб., за 6 мѣс.—3 руб. 50 к.

Подписки должны адресоваться: СПБ. Товарищество Издательскаго Дѣла „КОПЪЙКА“, Лиговская, 111—113, собственный домъ.

**Поступила въ ПРОДАЖУ
БОЛЬШАЯ, МНОГОКРАСОЧНАЯ КАРТА
Всѣхъ Театровъ Войны.**

Изданіе Акц. Общ. Изд. Дѣла „Копѣйка“.

ЦѢНА КАРТЫ—20 коп., съ пересылкой—35 коп.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“ Петроградъ, Лиговская 111-113.

ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЧИТАЙТЕ

ВЪ „ГАЗЕТЪ-КОПЪЙКЪ“

Безплатная освѣдомленность, сжатость изложенія, авторитетные комментаріи.

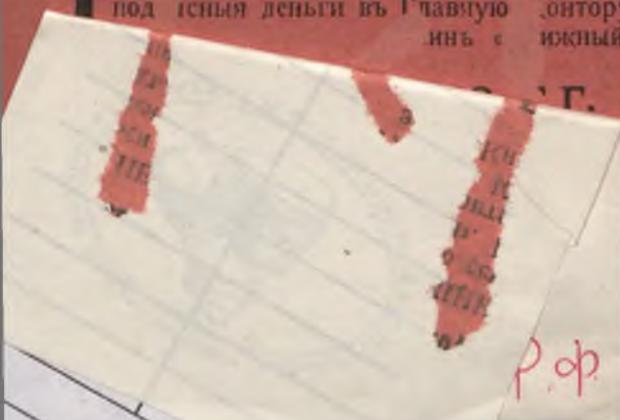
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ и ПРОВИНЦІЯХЪ на 5 мѣсяцевъ, съ 1-го ноября, журналъ „Журналъ-Копѣйка“ Петроградъ, Лиговка, 111—113, къ которому прилагаются деньги въ Главную редакцію.

Г. Г. желающіе получать ежедневно газету на домъ могутъ подписаться по 1-е января на газету „ГАЗЕТА-КОПЪЙКА“ съ приложеніемъ 4 мѣсяца—1 руб. 55 коп. Деньги присылать: Петроградъ „Газеты-Копѣйки“. Г. Г. городскіе подписчики могутъ вносить деньги въ Главную редакцію (Лиговская, 111, собств. домъ) или въ книжный магазинъ „Поставщикъ“ (Лиговская ул., 111—113).

Г. Г. ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ

подписки еще въ слѣдующихъ пунктахъ:

- 1) Театральная, 3
- 2) Лѣсной, 2 Муриновскій, № 41—8. Книжный магазинъ Дубинина.
- 3) Лѣсной, 2 Муриновскій, № 41—8. Книжный магазинъ Дубинина.
- 4) В. О., 9 линия, 6. Книжный магазинъ Тяпкиной.

Р.Ф.

✓ 95
B24

П А Н О Р А М А

 * * * * *
 * * * * *
 * * * * *
НЕ ПО ЗАКОНУ.
 (Разскаъ изъ военной жизни).
 * * * * *
 * * * * *
 * * * * *

Самый оригинальный постъ на земномъ шарѣ.

Отпуская корнета Вальнева съ его развѣздомъ, полковой командирь, бравый гусарскій полковникъ, съ тщательно пробритымъ, между густыми бакенбардами, подбородкомъ, еще разъ отозвалъ его въ сторону и негромко напомнилъ:

— Этотъ мостъ и это село для насъ чрезвычайно важны... въ селѣ нѣтъ австрійцевъ, я въ этомъ увѣренъ, но въ случаѣ, если они появятся, я надѣюсь, вы успеете уйти и сжечь переправу. Сейчасъ же дайте мнѣ знать о всякомъ измѣненіи въ положеніи вещей... Съ Богомъ!

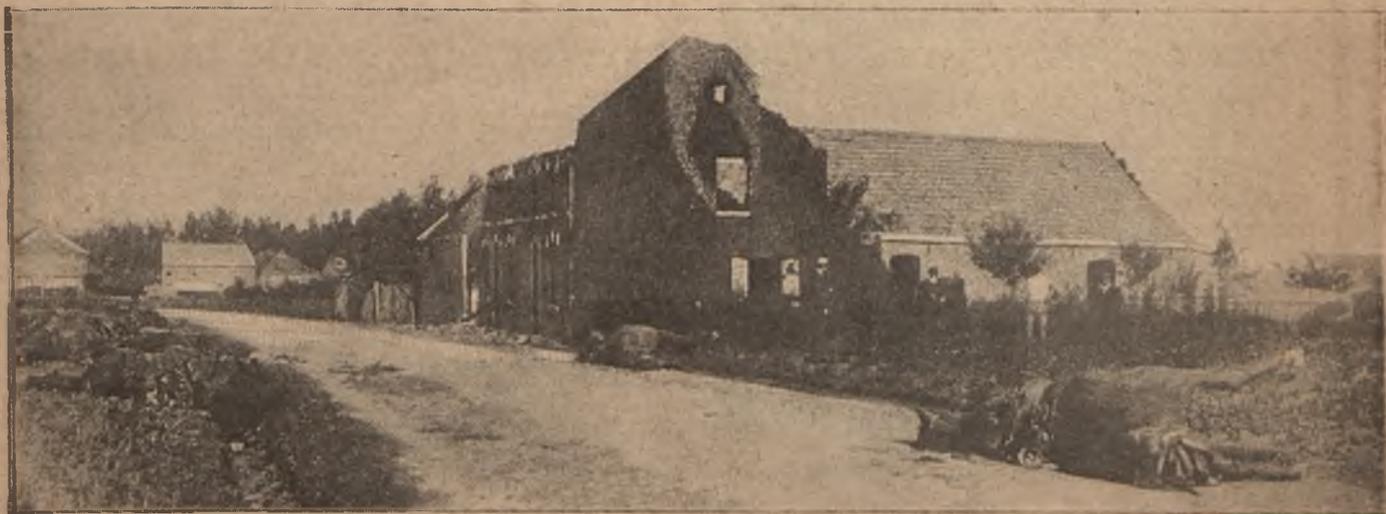
Вальневъ звякнулъ шпорами и отошелъ къ косямъ.

Это было первое серьезное данное ему порученіе, да и вообще «первое», такъ какъ всего 15 дней назадъ Вальневъ покинулъ школьную скамью и спялъ юнкерскую форму. И съ безпокойствомъ онъ оглянулся: не замѣтилъ-ли кто-нибудь его волненія и излишней служебной аффектаціи въ разговорѣ съ полковникомъ?

Но солдаты спокойно возились около лошадей, провѣряли подируги и оправляли аммуницію.

Лица ихъ были равнодушны и беззаботны, какъ всегда, и незамѣтно было, что имъ предстояло выполнить серьезную операцію и ежеминутно рисковать жизнью.

Въ Албаніи, которая, какъ извѣстно, находится подъ покровительствомъ всѣхъ европейскихъ державъ — существуетъ оригинальный постъ, на которомъ часовому приходится охранять шесть съ прикрѣпленными на немъ флагами враждующихъ между собой государствъ Европы — французскимъ, германскимъ, австрійскимъ, англійскимъ и др.

Уголокъ культурной Бельгіи, по которому прошли свирѣпая полчища германцевъ, губившія все на своемъ кровавомъ пути: дома, животныхъ, людей и природу...

Оригинальный паспортъ.

Офицеръ одного изъ нашихъ доблестныхъ полковъ, раненый въ бою съ австрійцами и находящійся на излеченіи въ Петроградѣ, передалъ намъ интересную вещь—воинскій билетъ австрійскаго солдата, сообщивъ при этомъ исторію о томъ, какъ онъ нашель эту вещь.

«Послѣ того сраженія, въ которомъ я былъ раненъ,—передавалъ нашъ собесѣдникъ,—на полѣ осталось много непріятельскихъ труповъ, которыхъ австрійцы не спѣшили убирать. Наши санитары уже работали тутъ, подбирая раненыхъ. Я ждалъ своей очереди и вдругъ замѣтилъ лежащій неподалеку отъ меня какой-то блестящій небольшой предметъ. Онъ лежалъ настолько близко, что мнѣ стоило только протянуть руку и я могъ взять его. Такъ

я и сдѣлалъ. Въ моихъ рукахъ очутилась двойная мѣдная пластинка, прямоугольной формы, раскрывающаяся въ длину. Раскрывъ ее, я увидѣлъ разграфленную полосу бумаги; изъ содержанія того, что было на ней написано, я понялъ, что это воинскій билетъ австрійскаго солдата, утерянный во время боя. На внутренней сторонѣ пластинки видны слѣды крови, указывающіе на то, что владѣлецъ этого оригинальнаго паспорта былъ раненъ, или убитъ, и это заставляетъ предполагать, что пластинка, такъ заинтересовавшая меня, упала во время паденія ея владѣльца. Этотъ интересный документъ я взялъ съ собой на память и привезъ въ Петроградъ».

Вѣстовой подвелъ корсету коня и крикнулъ, какъ ему показалось, слишкомъ громко и визгливо: «садись!». Вальневъ безъ помощи солдата вскочилъ въ сѣдло.

Дорога тянулась безконечная, прямая и пыльная, бѣлой полосой среди скошенныхъ нивъ и зеленыхъ луговъ и только иногда пересѣкала неглубокіе овраги съ протекающими по дну ручейками. Лошади, входя въ воду, тя-

нулись внизъ головами, пили, отфыркивались и весело выносили всадниковъ на противоположный откосъ.

Рыжій, давно не бритый, курносый гусарь, унтеръ-офицеръ, вѣроятно, опираясь на свое положеніе во взводѣ и на юность офицера, ѣхалъ съ нимъ почти рядомъ, готовый, при малѣйшемъ поводѣ, вступить въ разговоръ.

Поводъ этотъ не замедлилъ явиться, когда далеко, далеко на окраинѣ поля показались три едва замѣтныя конныя фигуры... Онѣ плыли въ голубой дали, словно не касаясь земли, и на такомъ разстояніи невозможно было опредѣлить: австрійцы-ли это или казачій развѣздъ?

— Должно, ваше благородіе, ихній развѣздъ!..—замѣтилъ рыжій унтеръ, видя, что Вальневъ поднесъ къ глазамъ повенкій Цейссъ,—а можетъ и наше «казачье», на прогулкѣ...—добавилъ онъ, ухмыляясь...

Однако, еще шаговъ черезъ 200, выяснилось, что всадники не имѣли пикъ и ни въ коемъ случаѣ не могли быть «казачьемъ» отправившимся на прогулку.

Гусарскій взводъ подтянулся. Побросали «цыгарки», примолкли разговоры и Вальневъ вдругъ почувствовалъ все учащающуюся дробь сильно забившагося сердца... Поддержкой явился опять рыжій унтеръ (Вальневъ не зналъ его фамиліи). Онъ осадилъ лошадь и предлежалъ:

— Надо-бы, ваше благородіе, слѣзнуться, а то какъ-бы не начали палить...

Вальневъ «скомандовалъ «слѣзай» и опять взялся за бинокль...

Теперь пѣмцевъ было уже не трое, а почти взводъ, ѣхали они гуськомъ, видимо, прямо по полю, и Вальнева соблазняла мысль открыть огонь по такой превосходной цѣли. Но едва слѣзнулся взводъ гусаровъ, какъ издали хлопнулъ ружейный выстрѣлъ, еще одинъ, и двѣ пули прощѣли гдѣ-то высоко и жалобно.

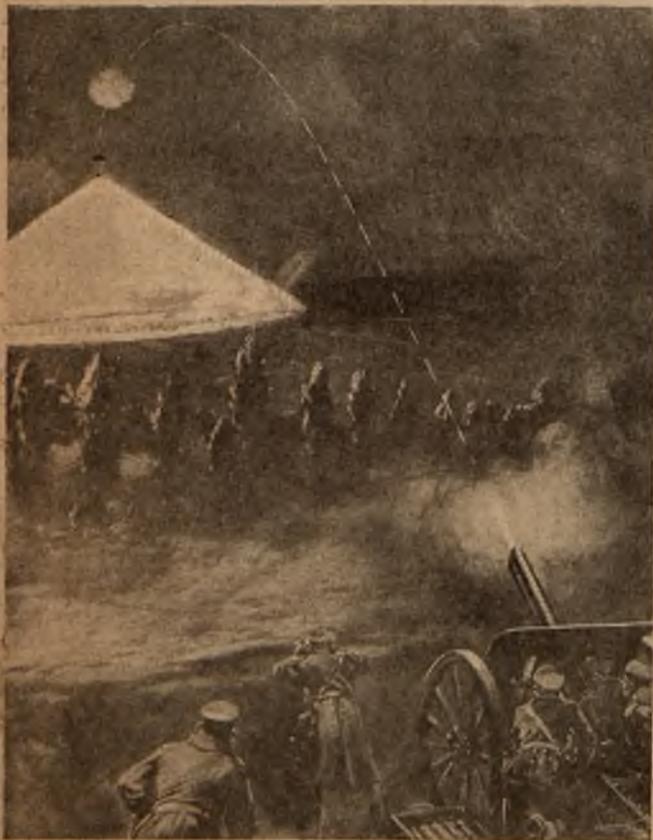
— Замѣтили-таки, черти нѣмецкіе!..—слюнулъ унтеръ и злобно крикнулъ на солдатъ:—Живо!.. Коловоды, забирай коней... въ цѣль!..

За первыми двумя послѣдовало еще пять-шесть выстрѣловъ и зашелкали карабины гусаровъ...

Стрѣляя тоже, рыжій унтеръ непрерывно слѣдилъ за ходомъ стычки и давалъ совѣты Вальневу:

— Ваше благородіе... гляньте-ка, никакъ уѣзжать будутъ... ишь проклятыя—Анастасова хлопнули... Что Анастасовъ?.. Пчелъсь? Ну, ползи, братъ, ползи... рука—

Ночныя развѣдки.

Пользованіе при развѣдкахъ ракетами все больше и больше прививается въ войскахъ. Ракетами-развѣдчиками стали пользоваться сейчасъ не только военныя суда, но, какъ это видно на нашемъ снимкѣ, и сухопутныя части войскъ.

Остатки германскаго кавалерійскаго отряда, пораженнаго на одномъ изъ полей Бельгіи. Въ виду огромнаго количества лошадиныхъ труповъ, оставленныхъ германцами, ихъ нѣтъ возможности убрать, и во многихъ мѣстахъ видны жуткія картины разложенія несчастныхъ животныхъ.

это, братецъ, плевое дѣло, особливо лѣвая... карабинъ то дай сюда, я его къ сѣдлу приторочу... а не душно бы, ваи е благородіе, шашками ихъ попотчивать... ишь ты, какъ скувыриулся, чортъ австрійскій...

Вскорѣ, однако, непріятельскій разъѣздъ сталъ садиться на коней, оставивъ нѣсколько человекъ, и мгновенно, словно прозрѣвъ, осѣненный мыслью, Вальневъ закричалъ: «садись!..»

Въ одну секунду взводъ былъ въ сѣдлѣ, въ одну секунду разсыпался въ строй, подобно казачьей лавѣ, и понесся, распустивъ поводья, вслѣдъ уходящему и отстрѣливающемуся врагу.

Первую минуту Вальневъ былъ впереди, но вскорѣ его нагнали солдаты, и онъ скакалъ въ одной съ ними массѣ, видя вокругъ сосредоточенныя лица, сверкающія легвія шашекъ и оскаленныя морды идущихъ въ карьеръ коней. Вокругъ пѣли пули, но о нихъ уже не было мысли. Рыжій унтеръ успѣлъ потерять фуражку и кричалъ, стараясь перекрычать выстрѣлы и топотъ копытъ:

— Ваше благородіе... вона ихнее село и мостъ... нельзя никакъ ихъ допустить... изловить али перебить надобно... безпрѣмѣнно...

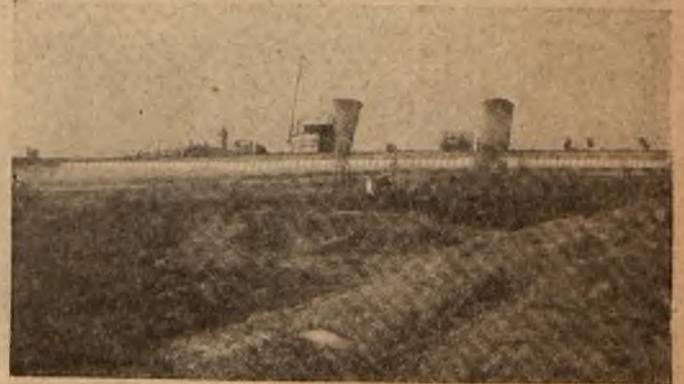
Сшиблись почти у рѣчки, за которой въ верстѣ раскинулось большое нѣмецкое село... Лошадь Вальнева съ разбѣгу налетѣла на крупъ коня какого-то драгуна, поднялась на дыбы, и въ это мгновеніе конь увидѣлъ, какъ-бы сверху, обернувшееся назадъ лицо молодого драгуна въ защитной курткѣ съ револьверомъ въ рукѣ.

Въроятно, у драгуна не было уже въ револьверѣ патроновъ,—онъ старался выдернуть саблю, но она заперлась и, дергая ее, юнона подставлялъ Вальневу открытую грудь и голову. Убить его не стоило ничего... у коня

та былъ перазряженный еще браунингъ и шашка, но, повинаясь непонятному чувству, онъ бросилъ повиснувшій на шнурѣ револьверъ и, схвативъ за воротникъ куртки растерявшагося нѣмца, съ силой, которую никогда въ себѣ не подозрѣвалъ, вырвалъ его изъ сѣдла и бросилъ на шею своей лошади... Онъ едва удержалъ нѣмца въ первую минуту, тѣмъ болѣе, что конь его, испугавшись, шарахнулся въ сторону...

Оглушенный паденіемъ нѣмецкій драгунъ лежалъ неподвижно, а лошадь его, освободившаяся отъ всадника, скакала по полю, гремя копытами, нелѣно болтающейся, прикрѣпленной къ сѣдлу, сабли...

Вальневъ догонялъ галономъ своихъ гусаръ... Они уже сдѣлали свое дѣло: драгунскаго разъѣзда не существова-

Германская торпедная лодка «Таку», участвовавшая и пострадавшая при оборонѣ порта Кіао-Чао.

Одинъ изъ командующихъ французской арміи, генераль Айду.

ло... рыжий унтеръ прилаживалъ къ сѣдлу нѣмецкой лошади свой выюкъ... его коня убили пулей въ голову... Самъ онъ, раненый въ руку, туго перстянулъ ее веревкой...

Миновавъ деревянный мостъ, тотъ самый, о которомъ говорилъ полковникъ, Вальневъ оставилъ около него часового, а самъ съ остальными въѣхалъ въ село.

Пусто и уныло выглядели чистые, бѣлые домики съ садами, строго высился лишь кирпичи, и на протяженіи всей улицы русскіе гусары встрѣтили едва-ли человекъ десяти жителей, боязливо жмущихся къ стѣнамъ.

Нѣмцевъ въ селѣ не было.

Вальневъ уже хотѣлъ повернуть обратно, какъ вдругъ произошло неожиданное и странное событіе: изъ воротъ одного домика выбѣжала полуодѣтая молодая женщина и съ душоу раздирающимъ крикомъ бросилась къ плѣннику Вальнева, лежавшему поперекъ сѣдла...

Уильстерцы» на улицахъ Лондона передъ отправленіемъ на театръ войны. Отъ недавнихъ волненій не осталось никакого слѣда. Все забыто—ради одной великой, все поглощающей цѣли—защиты родины отъ враговъ.

Командующій французской арміи, дѣйствующей въ настоящее время противъ германскаго фронта къ югу отъ Парижа ген. д'Амадь.

— Гансъ... радость моя!.. Гансъ... любимый мой, что съ тобой, скажи, Бога ради, ты раненъ?.. тебѣ больно?.. они искалчили тебя...

Вальневъ и унтеръ въ первую минуту растерялись...

— Ты дѣлъ, да?—продолжала рыдать женщина, теребя драгуна...—Скажи-же, мой мальчикъ, мой дорогой, единственный!.. Они взяли тебя въ плѣнъ?.. Ихъ было много?.. Теперь они хотятъ отнять тебя отъ меня, они сопанютъ тебя въ свою ужасную Сибирь, въ страну снѣговъ и медвѣдей, и тамъ будутъ мучать, разстрѣляютъ или повѣсятъ далеко отъ родины и отъ меня... О, я знаю, какъ обращаются съ плѣнными эти варвары...

Вальневъ хотѣлъ отъѣхать...

— Нѣтъ!..—истерично закричала женщина...—Вы не уѣдете такъ, господинъ офицеръ... Вы не уѣдете... Вы сперва отдадите мнѣ моего мальчонку, моего Ганса, моего любимого мужа... ну, на что онъ вамъ?—умоляюще продолжала

она, видя отрицательный кивок Вальнева.—На что вам одинъ единственный, плѣнный пѣмецъ, у васъ ихъ и такъ много, верните мнѣ его, я буду молить за васъ Бога, верните мнѣ мое счастье!..

— Это невозможно!—строго отвѣтилъ ей по-пѣмски Вальневъ...

— Ахъ, это невозможно,—вдругъ мѣняя тонъ на злобный, закричала пѣмка:—мало вы замучили въ сибѣгахъ Сибири нашихъ солдатъ?.. Такъ знайте-же, что перваго вашего казака, котораго я увижу, я буду мучить сама, вы понимаете, сама, сама ему выколою глаза и отрѣжу уши...

Вальневъ опять хотѣлъ отвѣхать.

— Отдайте мнѣ его, отдайте,—хватаясь за сѣдло, кричала женщина...

— Это невозможно,—твердо произнесъ офицеръ,—вашъ мужъ военнопленный, но увѣрю васъ, что въ Россіи ему будетъ какъ нельзя лучше. По окончаніи-же войны вы свидитесь съ нимъ...

— Невозможно?!—въ изступленіи выкрикнула женщина...

Вальневъ пожалъ плечами...

Мгновенно въ рукѣ женщины сверкнула сталь револьвера и грянулъ выстрѣлъ...

Пуля со свистомъ пролетѣла надъ ухомъ корнета и потянулся сипый дымокъ. Испуганныя лошади заржали...

Съ быстротой молнии сорвался съ сѣдла рыжий унтеръ и поймалъ руку стрѣлявшей пѣмки; она же рыдала, безсильно опустившись на колѣни.

Все это случилось такъ быстро, что корнетъ Вальневъ не успѣлъ испытать страха... онъ началъ волноваться уже послѣ: онъ зналъ, какъ долженъ былъ поступить съ этой мирной жительницей, поднявшей оружье противъ непріятеля.

И въ немъ боролись два чувства: чувство долга и вели-

кодуніе... Говорило и самолюбіе, задѣтое гадкими словами женщины о сибирскихъ сибѣгахъ...

И, когда державный пѣмку унтеръ-офицеръ заявилъ, что надо ее «разстрѣлять, да и только», корнетъ Вальневъ сдѣлалъ ему жестъ рукой, какъ бы приказывая замолчать, и, обратясь къ плѣнницѣ, произнесъ по-пѣмски:

— По законамъ военного времени вашъ поступокъ даетъ мнѣ право разстрѣлять васъ безъ суда и поступить съ селомъ по моему усмотрѣнію... Я выслушалъ все, что вы мнѣ сказали, и мое самолюбіе, какъ славянина, какъ русскаго и какъ офицера, глубоко оскорблено тѣми позорными выдумками о насъ, которыми, видимо, полно ваше отечество... Я нарушаю законъ, и дарю вамъ жизнь и свободу, не изъ личнаго состраданія къ вамъ, покушавшейся на мою жизнь, а только съ цѣлью дать вамъ испытать на себѣ великодушіе той націи, того народа, который вы всегда считали и привыкли считать варварскимъ... Когда кончится война и вашъ мужъ вернется къ вамъ, онъ расскажетъ вамъ, насколько справедливы ваши предположенія о Сибири, медвѣдяхъ и пыткахъ, которыми мы подвергаемъ плѣнныхъ!

И, приказавъ изумленнымъ гусарамъ отпустить женщину, Вальневъ повернулъ копы.

Вѣшнее онъ былъ спокоенъ, но сердце билось радостно и гордо.

Вадимъ Бѣлозь.

Рыцари смерти и разрушенія.

Одинъ изъ послѣднихъ снимковъ Вильгельма. Сильно осунувшійся, страдающій отъ бессонницы, раздражительный, кайзеръ выслушиваетъ докладъ о послѣднихъ сраженіяхъ.

Начальникъ генеральнаго штаба германской арміи генералъ фонъ-Мольтке.

Изъ Лондона черезъ Парижъ въ Россію.

Замѣтка для «Всем. Панорамы» извѣстной балерины Т. Карсавиной.

Такъ много писалось въ газетахъ о томъ, что приходилось переносить русскимъ въ Германіи, что поваго ничего не прибавишь къ этому. Лишь нѣскольکو интересныхъ черточекъ, еще не отмѣченныхъ и касающихся собственно не германскихъ впечатлѣній, а английскихъ и французскихъ.

Я закончила свои гастроли въ Лондонѣ въ концѣ іюля по повому стилю и собиралась провести августъ гдѣ-нибудь въ Италіи. Хотя уже были въ газетахъ кое-какіе провозвѣстники паступающей грозы, но въ Лондонѣ царилъ спокойная увѣренность въ томъ, что неожиданный конфликтъ державъ удастся покончить миролюбиво, чему, конечно, не мало способствовала только что опубликованная рѣчь сэра Эдуарда Грея.

Тѣмъ не менѣе, когда я получила телеграмму отъ мужа, жившаго въ Парижѣ, съ сообщеніемъ о томъ, что онъ ожидаетъ меня въ Парижѣ, почему и предлагаетъ мнѣ немедленно выѣхать для того, чтобы какъ можно скорѣе выѣхать въ Россію, я поняла, что положеніе, дѣйствительно, серьезно. Выѣхала я изъ Лондона въ Парижъ на другой же день вечеромъ.

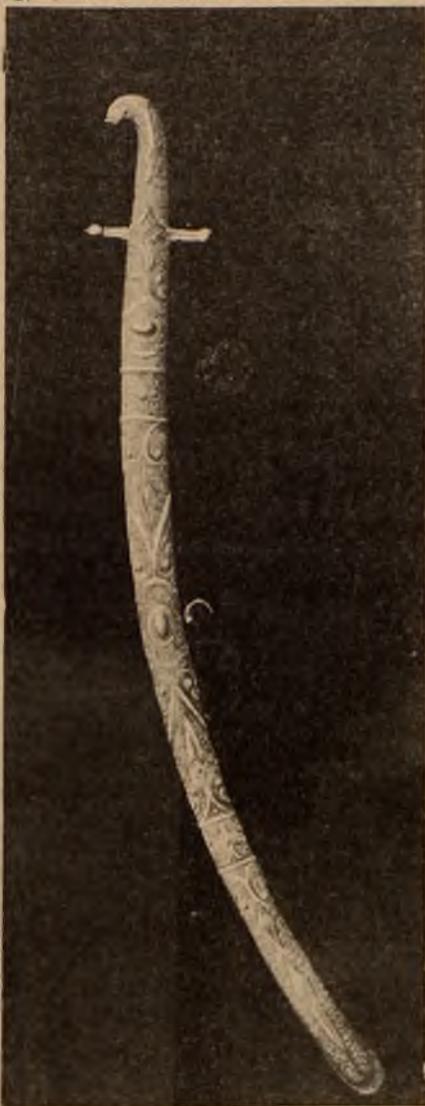
Парижъ представлялъ уже совсѣмъ другую картину, чѣмъ Лондонъ. Чувствовалось вліяніе войны. Всегда оживленный Парижъ былъ еще сживленнѣе: но въ этомъ шумѣ чувствовалась какая-то сосредоточенность, не совсѣмъ обычная парижанамъ. Одновременно съ увеличивавшейся увѣренностью въ близости войны падали и курсы бумажныхъ денегъ—не только иностранныхъ, но и французскихъ. Въ магазинѣ покупателей прежде всего спрашивали:

— Есть ли у васъ золото?

Я не могу сказать, чтобы такое недобѣріе къ собственнымъ кредитнымъ билетамъ не способствовало возрастанію тревоги въ населеніи, почему я думаю, правительство хорошо сдѣлало, предпринявъ противъ этого необходимыя мѣры, внесшія успокоеніе въ народную массу.

Ко времени моего пріѣзда агентство Кука уже отказывалось выдавать билеты въ Россію черезъ Германію, предупреждая, что путь небезопасенъ. Тѣмъ не менѣе намъ удалось купить въ желѣзнодорожной кассѣ билеты въ Петроградъ черезъ Берлинъ. Друзья и знакомые пытались отговорить насъ отъ рискованной поѣздки, но мы все же рѣшились: мы уговорили себя, что поѣздка эта не можетъ быть очень опасной, разъ ужъ все же выдали билеты.

Выѣхали мы перваго августа (новаго стиля) и лишь по дорогѣ узнали объ объявленіи войны Россіи Германіей. Но поздно было уже думать о возвращеніи въ Парижъ—да и смысла не было, такъ какъ всѣ русскіе въ это время испытывали одно лишь желаніе: какъ можно скорѣе, цѣной какихъ бы то ни

Драгоценная шашка, подаренная петроградцами герою отечественной войны казаку Крючкову.

Шашка кавказскаго образца, клинокъ шашки—дамасской стали, ножны серебряныя съ золотой чеканной накладкой, рукоятка также серебряная съ массивными золотыми украшениями.

Фот. С. Магазнера.

было лишениій, но вернуться въ Россію. Съ тревогой, но съ твердой рѣшимостью мы продолжали свой путь въ глубь враждебной страны.

Мнѣ не хотѣлось бы возвращаться къ подробностямъ моихъ печальныхъ

приключеній. Замѣчу только, что до сихъ поръ я принимала на вѣру мнѣніе, что матеріальныя лишенія легче моральныхъ страданій, теперь же я знаю на вѣрное, что это такъ.

Паническое безуміе было причиною всѣхъ ненужныхъ, нелѣпныхъ и безобразныхъ жестокостей, происходившихъ въ Берлинѣ по отношенію къ русскимъ.

По тутъ еще была мысль о собственной безопасности, заставлявшая дѣйствовать сосредоточенно и напряженно, а въ такихъ условіяхъ это спасительно. Вечеромъ этого же дня я выѣхала въ Голландію. Тамъ было сравнительно хорошо: были друзья и деньги, по долго не представлялось возможности выѣхать въ Россію или куда бы то ни было. Дни проходили тяжелые и длинные. Не было почти никакихъ извѣстій о ходѣ нашихъ дѣлъ: большая часть извѣстій шла изъ германскихъ источниковъ. Не приходится и говорить, что эти лживыя телеграммы сильно угнетали, и еще страстнѣе испытывалось желаніе быть въ Россіи: тяжелѣе всего была разобщенность съ нею. Именно поэтому я чувствовала себя въ это время темнымъ лучше, чѣмъ во время своего пребыванія въ Берлинѣ.

Все послѣдующее путешествіе, какъ и самое возвращеніе, вспоминаю уже съ точки зрѣнія его необычности.

Послѣдній небольшой морской переездъ отъ сэвера Швеціи къ нашей Финляндской границѣ я вспоминаю даже, какъ что-то забавное. Пароходъ былъ маленькій, лишенный какого бы то ни было комфорта, плохой и безъ каютъ. Ночь была очень холодная и удивительно бѣлая. Мы, конечно, зябли, дрожали отъ холода и поочередно подходили грѣться у большой трубы.

Пароходъ шелъ тихо. Это было изумительно красиво, и въ ту минуту забывались всѣ пережитыя волненія, и не вѣрилось, что гдѣ-то, въ сущности недалеко, людьми проливается кровь за освобожденіе міра отъ нѣмецкаго варварства.

И вотъ теперь, вспоминая прошлое и всѣ свои лишенія, сравнивая ихъ съ тѣми нецѣлѣностями, которыя были испытаны другими, я думаю, что мнѣ было еще сравнительно хорошо, что судьба была ко мнѣ еще милостива.

И все-же—того, что я пережила во время пути своего изъ Лондона въ Петроградъ, тѣхъ слѣдовъ, которые оставила во мнѣ Германія, я никогда не забуду.

Т. Карсавина.

ПО ПУТИ ВЪ РОССІЮ.

III.

Денежная операція, синьоръ отъ Кука и всякая всячина.

Въ вагонѣ невѣроятно жарко и душно, несмотря на открытыя съ обѣихъ сторонъ окна; неподвижнымъ, густымъ сизымъ облакомъ стоитъ дымъ, ибо всѣ мужчины, оказывается, курятъ и жестоко курятъ.

Изъ этого облака на меня надвигается чье-то полужнакомое лицо съ выраженіемъ самаго настоящаго ужаса и тихій, полный тоже самаго настоящаго ужаса,

милостыню, безъ всякаго коммерческаго увлеченія, крайне угрюмо и неохотно, предпочитая, видимо, любовію дѣлку этой.

Я ищу глазами нашего казначея, которому мы передали все, что каждый изъ насъ имѣлъ, кто больше, кто меньше, и задаю ему тотъ-же вопросъ, что задали мнѣ, съ тѣмъ же выраженіемъ и почти такъ-же, заикаясь отъ ужаса:

— Послушайте, какія у насъ деньги?

— Деньги?

Нашъ казначей смотритъ на насъ невинно, какъ младенецъ.

— Въ Швейцаріи мѣняють...

— Франки на лиры?

— Да...

— А въ Италіи нѣтъ?

— А въ Италіи нѣтъ...

— Почему?

— Я не знаю почему...

И никто не знаетъ почему.

Эта страшная однобокая возможность обмѣна, кажется, явной пелѣнностью, дичью, абсурдомъ, но никто въ это теперь не вникаетъ. Говорятъ—не мѣняютъ,—я баста. Кѣмъ-то пущенный слухъ дѣлается общимъ достояніемъ и прекрасная итальянская Швейцарія съ ея горами и озерами мелькаетъ мимо, никѣмъ не оцѣниваемая. Не до того: мы нищіе!

Подъ этимъ мрачнымъ впечатлѣніемъ, чувствуя себя брошенными на произволъ судьбы,—ибо кто же намъ на чужбинѣ поможетъ?—мы съ грохотомъ вкатываемся въ безконечный Симплонскій тоннель, почти часъ мчимся въ неосвѣщенномъ вагонѣ, не видя другъ друга, вырываемся на воздухъ, проносимся сквозь рядъ еще тоннелей, проносимся мимо какихъ-то крохотныхъ, утопающихъ въ зелени, итальянскихъ городковъ, бѣлыхъ, какъ сметана, и подлетаемъ къ Милану.

Часы показываютъ ровно семь.

Мы выбираемся и нервнымъ дѣломъ бѣжимъ получить нашъ багажъ.

Насъ ждетъ новый сюрпризъ: багажа нѣтъ. Поѣздъ изъ Мартини вышелъ слишкомъ перегруженнымъ и часть багажа осталась тамъ, чтобъ придти съ слѣдующимъ поѣздомъ.

— А когда слѣдующій поѣздъ изъ Мартини?

— Въ 9 ч. вечера...

— А когда отправляется поѣздъ въ Бридизи?

— Въ 8 ч. 50 м. вечера.

— И это послѣдній поѣздъ?

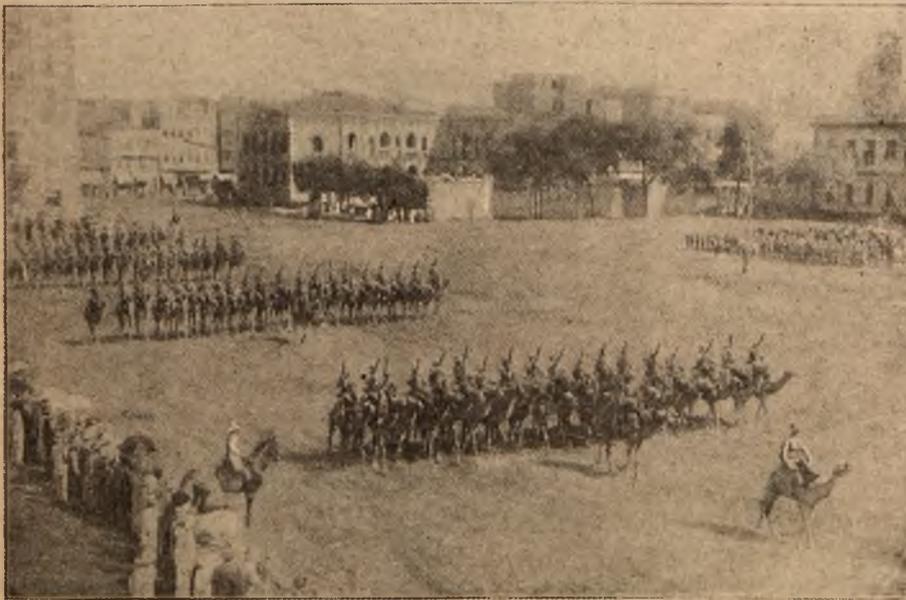
— О, да, синьоры...

— Следовательно, мы ужъ нашего багажа не успѣемъ получить?

Носильщикъ снисходительно улыбается.

— Если вы, синьоры, ѣдете сегодня въ Бридизи, то само собою вы ужъ вашего багажа сегодня не успѣете получить, но вы не должны беспокоиться. Квитанція на итальянскихъ дорогахъ всегда сохраняетъ свою силу, и вы сможете получить вашъ багажъ по окончаніи войны!

И полный суровою гордостью за честныя итальянскія дороги, которыя

Египетскія войска, составляющія часть колониальныхъ войскъ Англій и готовыя въ настоящее время для перевозки на французскую территорію.

голосъ задастъ мнѣ, заикаясь, вопросъ:

— Послушайте, какія у насъ деньги?

Я проникаюсь всѣмъ трагическимъ значеніемъ этого вопроса, надъ которымъ въ спѣшкѣ не успѣлъ подумать, и самъ мгновенно заражаюсь ужасомъ. Дѣло въ томъ, что за два дня до нашего отъѣзда практичныя швейцарцы не мѣняли уже намъ своихъ собственныхъ бумажныхъ денегъ, требуя только золота, какъ платы, и только въ послѣдній день, когда швейцарскій банкъ выпустилъ мелкія размѣныя кредитки въ 5, 10, 20 франковъ, мы получили возможность приобрести и дѣлать все то, что приобретается и дѣлается за деньги. Курсъ же русскаго бумажнаго рубля упалъ баснословно низко: за сто рублей намъ предлагали гдѣ полтора, а гдѣ и 120 франковъ, при чемъ и это предлагали, какъ

— Что вы такъ вешлошались? Не успокойтесь, все въ порядкѣ, и деньги у насъ хорошія: двѣ тысячи франковъ, четыре русскихъ сотенныхъ и что-то еще..

— Франки-то швейцарскіе?

— О, да...

— Бумажные?

— О, да...

Получникъ нашъ, первый поднявшій вопросъ, опускаетъ въ безсиліи руки.

— Тогда мы погибли!—говоритъ онъ скорбно, коротко и безапелляционно.— Въ Италіи ни русскихъ, ни швейцарскихъ денегъ не мѣняютъ. Ни одного франка. Я узналъ. Мы нищіе. Мы должны были въ Швейцаріи обмѣнять франки на лиры.

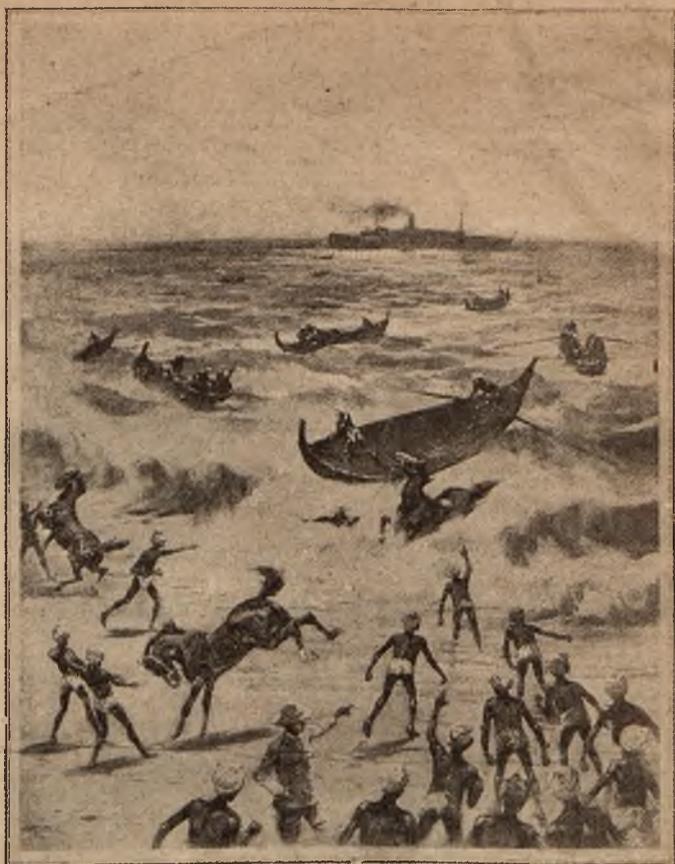
— Позвольте... а въ Швейцаріи развѣ мѣняютъ?

Побѣжденный.

Главнокомандующій центра австрійской арміи генераль Викторь Данкль, разбитый нашими войсками въ Галиціи.

Германія теряетъ колоніи.

Паника среди жителей африканскаго побережья, мимо котораго проходятъ маневрирующія англійскія военныя суда.

выдадутъ намъ багажъ и по окончаніи войны, итальянецъ - носильщикъ оставяетъ насъ, ибо взятки съ насъ теперь гладки: разъ у насъ нѣтъ багажа, — мы не можемъ дать ему работы.

Двѣ молоденькія барышни, которыя съ нами, начинаютъ плакать. Вѣднѣяжки явно предвидятъ трагедію близкаго будущаго, когда безъ багажа, гдѣ у нихъ

шляпки, жакетки, свѣжія кофточки и всякія нужныя тряпки, онѣ перестанутъ быть барышнями и превратятся въ чумичекъ. У насъ, у мужчинъ, положеніе не лучше: прощай смѣла бѣлья, чистый воротничекъ, чистый носовой платокъ!..

Но горевать некогда. Нужно взять билеты, слѣдовательно, раздобыть на билеты итальянскія деньги.

На всякій случай мы передаемъ посилицки, котораго снова находимъ въ толпѣ, наши багажныя квитанціи съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно доставилъ намъ багажъ, если слѣдующій поѣздъ изъ Мартины придетъ неожиданно раньше. Потомъ бѣжимъ за справками къ начальнику стціи: можетъ быть, въ билетной кассѣ еще примутъ наши швейцарскіе франки?..

Начальникъ стціи страшно занятъ. Онъ наскоро бормочетъ что-то въ отвѣтъ, чего мы не можемъ разобрать, и не обращая на насъ большаго вниманія, кого-то ожесточенно начинаеть ругать и куда-то стремглавъ бѣжить.

Ему не до насъ.

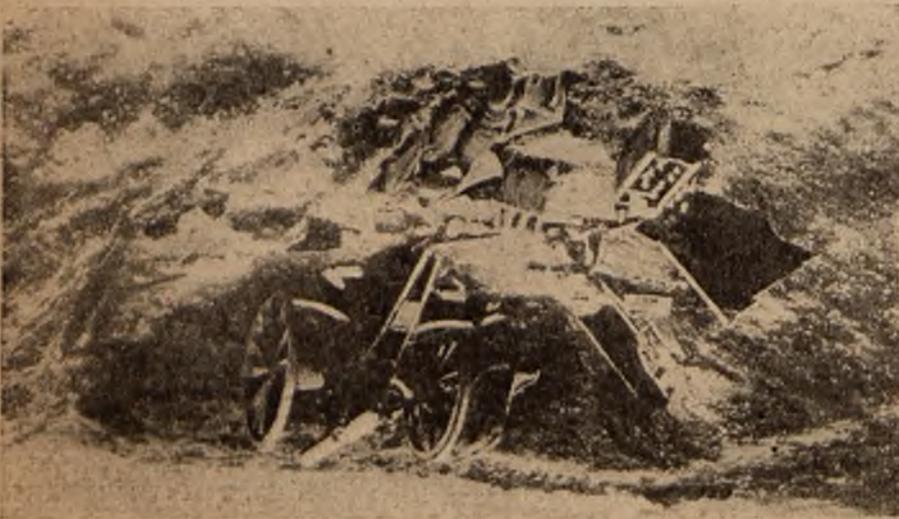
Мы поглядываемъ кругомъ, въ полнѣйшей безпомощности, мы не знаемъ, къ кому обратиться. Всѣ суетятся, бѣгутъ, кричатъ, всѣ озлоблены и всѣ, видимо, ненавидятъ другъ друга...

Вдругъ нашъ назначеный срывается съ мѣста, энергично увлекая меня за собой.

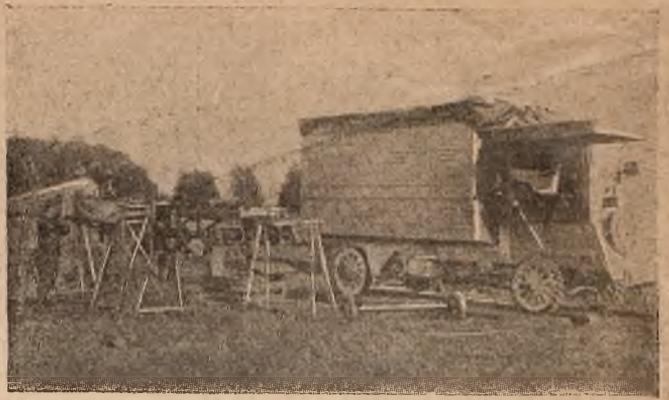
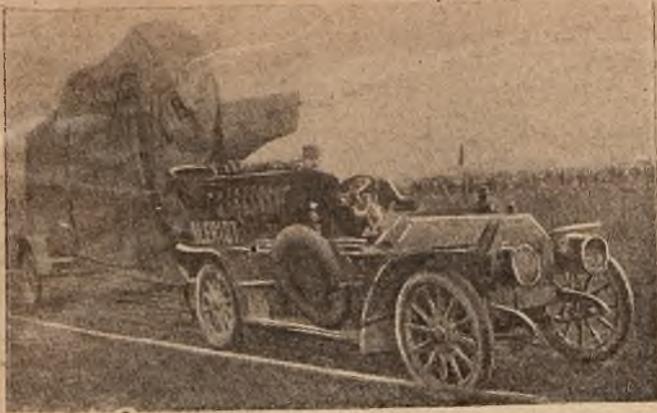
— Смотрите... Это представитель Кука... Онъ все долженъ знать... Смотрите... онъ, кажется, обратился на насъ вниманіе.

Я вижу спокойно стоящаго въ сторонѣ господина съ полнымъ, очень важнымъ, даже немного туповатымъ въ этой важности, бритымъ лицомъ, въ фуражкѣ, на околышѣ которой я, дѣйствитель-

Наши трофеи.

Видъ оставленной австрийцами пушки... Такихъ пушекъ отобрано и отбито нами у австрійцевъ огромное количество...

Специальные автомобили для перевозки въ сложенномъ видѣ аэроплановъ. Введены въ настоящее время въ англійской арміи.

по, различаю слово: «Кукъ». И онь, дѣйствительно, какъ будто обращаетъ на насъ вниманіе.

Мы подлетаемъ къ нему.

— Сибьоръ, ради Бога... Вотъ у насъ швейцарскія деньги... (мы не выпускаемъ изъ вспотѣвшихъ, трясущихся рукъ нашихъ несчастныхъ, до-нельзя перемятыхъ и перелачканныхъ франковъ)—могутъ быть, можно, сибьоръ... Ради Бога...

Сибьоръ отъ Кука бросаетъ медлительно-внимательный взглядъ на бумажки, которыя мы ему суемъ подъ носъ, отходить почему-то съ нами еще дальше къ сторопѣ и медлительно спрашиваетъ:

— Что же вы, собственно, хотите сдѣлать, сибьоры, съ вашими деньгами?

— Обмѣнять... ради Бога... Намъ не мѣняютъ. Никто не мѣняетъ... Рѣшительно никто...

Въ послѣдности отчаянія мы говоримъ это съ полнѣйшей искренностью и полнѣйшей наивностью, не замѣчая того, что открываемъ свои карты, но у сибьора отъ Кука лицо остается совершенно безстрастнымъ, словно онь ничего не слышитъ.

— Итакъ, вы хотите, сибьоры, обмѣнять ваши швейцарскіе франки... На какія же деньги вы хотите, сибьоры, обмѣнять ваши швейцарскіе франки?

Въ двукратномъ повтореніи «швейцарскіе франки» слышится опредѣленно презрительное отношеніе къ этимъ франкамъ. Но разъ съ нами говорить, слѣдовательно, возможна какая-то сдѣлка, и мы заранѣе рѣшаемся идти на всяческія уступки.

Мы робко говоримъ, что хотѣли бы обмѣнять на лиры.

И третью ждемъ отвѣта.

— На итальянскія лиры?

— Да, сибьоръ...

Мы совсѣмъ замираемъ отъ страха.

Сибьоръ отъ Кука въ важной задумчивости потираетъ свой подбородокъ...

— Скажите, сибьоры,—спрашиваетъ онь вдругъ,—вы русскіе?

— Да...

— О!..

У сибьора отъ Кука лицо расплывается

въ медленной, важной, но несомнѣнно благосжелательной улыбкѣ.

— Я уважаю, сибьоры, русскихъ!

Сибьоръ отъ Кука неожиданно протягиваетъ мнѣ и казначею руку и крѣпко, съ чувствомъ пожимаетъ наши, которыя мы очень торопливо протягиваемъ ему.

— Я уважаю, сибьоры, русскихъ,—повторяетъ онь,—и сдѣлаю то, что вы

просите: обмѣняю ваши швейцарскіе франки (непреклонное презрѣніе въ голосѣ) на итальянскія лиры, (твердость, ясность и даже нѣкоторая тождественность въ произношеніи).

Мы почти не вѣримъ своимъ ушамъ... Нѣтъ, это было бы слишкомъ хорошо...

Намъ обмѣняютъ... мы купимъ билеты... мы уѣдемъ... Мы смотримъ на сибьора

Англійскія войска на бивуакѣ.

отъ Кука и готовы задушить его въ объятіяхъ: онъ кажется намъ воплощеніемъ благородства.

О, есть же еще, есть безкорыстные, честные, прекрасные люди!.. О, великая, великая, любящая насъ Италия!.. Смутно вспоминаю Мессину и мнѣ кажется,—я начинаю понимать, откуда эта любовь къ намъ, русскимъ... Это за Мессину, за нашу великодушную тогда помощь...

Отъ полноты чувствъ я даже говорю что-то про это...

— Мессина...

— О, да, синьоръ, Мессина... Я очень уважаю русскихъ со времени Мессины...

Синьоръ отъ Кука снова съ чувствомъ пожимаешь мнѣ руку.

— Итакъ, синьоры, сколько же у васъ швейцарскихъ франковъ?

Мы боимся ошеломить великодушнаго человѣка грандіозностью суммы и еле рѣшаемся произнести:

— Двѣ тысячи франковъ.

Но синьоръ отъ Кука выдержавъ,

какъ истый джентльменъ. Не сморгнувъ глазомъ, онъ выпинаетъ бумажникъ и говорить, начиная тутъ же отсчитывать лиры:

— Хорошо. Я дамъ вамъ за нихъ ровно столько же лиръ!

Мы потрясены. Итъ, столько мы, во всякомъ случаѣ, не ожидали. Въ порывѣ умиленія и благодарности мы предлагаемъ ему комиссіонныя, мы настаиваемъ на этомъ, мы не хотимъ, чтобы этотъ добрякъ, такъ жестоко поплатился за свою доброту... Въдь мы-то знаемъ, что теперь ему, бѣдняжкѣ, нигдѣ не обмѣняютъ этихъ франковъ...

Но синьоръ отъ Кука торжественно отстраняетъ насъ рукой.

— Итъ, синьоры, отъ русскихъ я не возьму ни сапима комиссіонныхъ!..

Это произойдетъ съ необычнымъ подъемомъ, съ силой, которой позавидовалъ бы самъ Салыили.

— Итакъ, счастливаго путешествія, синьоры!

И скромный въ своемъ величіи синьоръ отъ Кука высоко поднимаетъ надъ головой свою фуражку и оставляетъ насъ.

Казначей смотритъ на меня. Я—на казначея. Деньги у насъ въ рукахъ, насъ тискаютъ со всѣхъ сторонъ и мы чувствуемъ боль: значить все это не сонъ. Чортъ возьми, славное же мы тогда обдѣлали дѣльце!.. А говорятъ, что итальянцы лживые, пронырливые, жадные... Вотъ подите же...

Мы бѣжимъ къ кассѣ.

У самой кассы я патыкаюсь вдругъ на знакомаго москвича, биржевика.

— Откуда?

— Изъ Генуи... А вы?

— Изъ Марини... Вы въ Бриндизи?

— Въ Бриндизи, какъ всѣ.

— Какъ думаете, попадемъ?..

— Куда-нибудь попадемъ... Говорятъ, нѣтъ паромовъ...

— А я слышалъ, есть...

Биржевикъ меня задерживаетъ.

— Вотъ что, синьоръ мой... Если вы будете здѣсь мѣнять швейцарскія деньги, помните—будьте осторожны. Тутъ народъ аховый, шельма на шельмѣ...

— Какъ?.. Развѣ здѣсь мѣняютъ?..

— А почему бы нѣтъ?

Биржевикъ смотритъ на меня пѣсколко озадаченно.

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Какъ случилось?.. Но въдь война...

Не такъ уже увѣренно я ему передаю то, что знаю самъ.

Биржевикъ искренне, отъ души смѣется.

— Да съ чего вы, почтенный, взяли?

Вѣдь между Италией и Швейцаріей ровно ничего нѣтъ. Поѣзда идутъ преисправно и происходитъ свободнѣйшій обмѣнъ денегъ... Кто распространилъ такую дичь? Ничего подобного нѣтъ... Помните одно: будьте осторожны при мѣнѣ. Лира меньше франка на 4 - 5 коп. и 100 франковъ равняются 112 лирамъ... Вамъ будутъ предлагать 106—тутъ есть такіе молодцы вродѣ куковскаго негодяя въ этакой фуражкѣ,—ни за что не берите... Поторгуетесь,—дадутъ всѣ 110. Помните это.

Казначей смотритъ на меня, я на казначея, потомъ мы оба смотримъ на перронъ, но синьоръ отъ Кука, сынъ великой, любящей насъ Италии, какъ сквозь землю провалился. Онъ пропалъ, облагодѣтельствовавъ насъ ровно на 200 франковъ, которые положилъ себѣ въ карманъ...

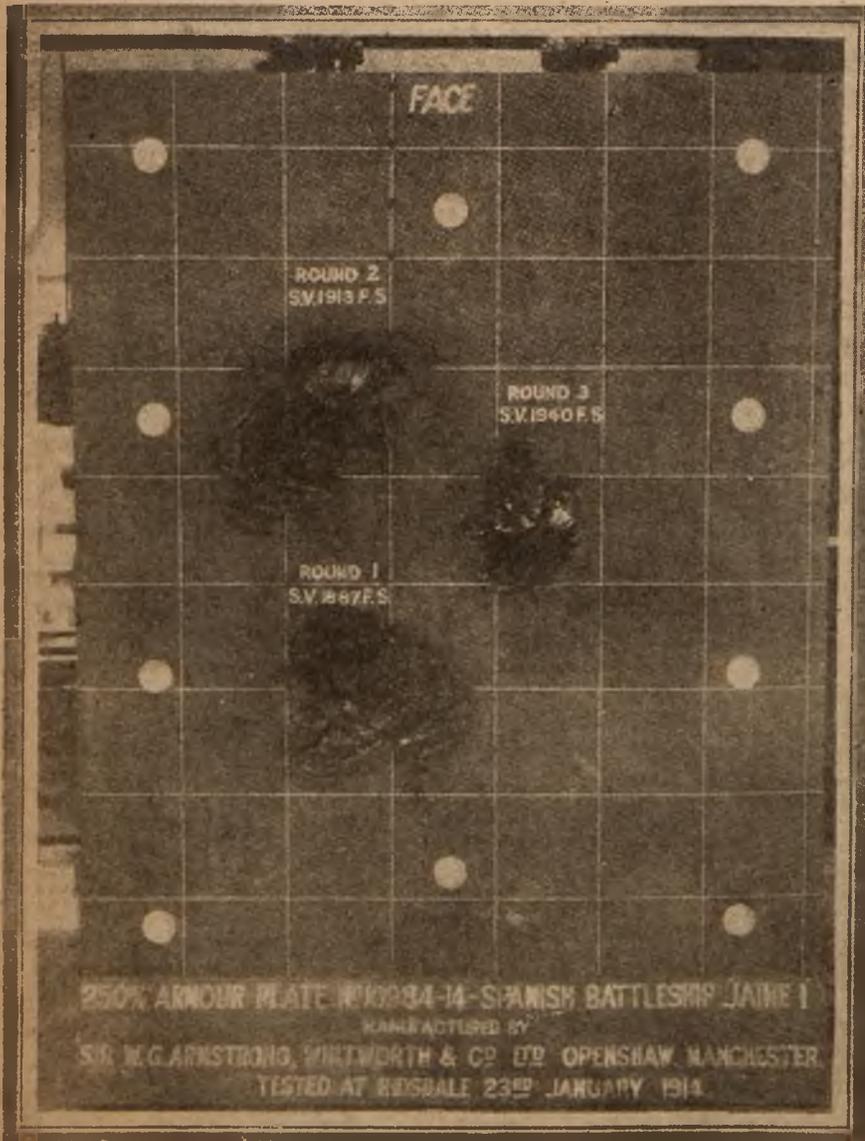
Все-таки, нельзя отказать этому негодю въ известной честности: вѣдь, онъ также легко могъ положить себѣ въ карманъ столько же, если не больше, комиссіонныхъ!..

Въ 8½ часовъ вечера подають, наконецъ, поѣздъ, и въ третій разъ за этотъ день мы бросаемся на штурмъ и, платясь боками, завоёвываемъ себѣ мѣста.

Левъ Максимъ.

(Прод. въ слѣд. номерѣ).

Какъ защищенъ англійскій флотъ.

Часть поврежденной снарядами брони на борту англійскаго предноута. Для того, чтобы броня была пробита насквозь, снарядъ долженъ два-три раза попасть въ одно и то же мѣсто.

Боевой день солдата.

(Отрывок из письма).

Вы просите меня подробно и вѣрно описать, какъ проходить у меня боевой день. Я съ удовольствіемъ сдѣлаю это, но долженъ предупредить, что не всѣ дни проходить у меня одинаково. Чаше всего одинъ день совершенно не похожъ на другой, и именно это дѣлаетъ пребываніе въ дѣйствующей арміи захватывающе-интереснымъ.

Вчерашній день, на примѣръ, прошелъ такъ:

Ночевала наша дивизія въ лѣсу. Въ четыре часа утра я сквозь сонъ услышалъ знакомый возгласъ дежурнаго по ротѣ:

— Четвертый взводъ,—вставай!

А вслѣдъ за этимъ и обычную шутку, какой, обыкновенно, любятъ шутить солдаты:

— Желающіе,—вставай! Вставай, кто желаетъ! А кто не желаетъ—тому кофію сейчасъ подадимъ...

Солдаты, какъ всегда, быстро вскочили, причѣмъ многіе тутъ же отвѣчали шутками дежурному. Палатки приказано было сложить.

Утро было ясное, солнечное. Въ лѣсу было прохладно, и отъ росы блестяли металлическія части винтовокъ. Пріятно было видѣть, какъ дымились походные котлы, въ которыхъ варился чай.

Сфицерскія палатки были сложены одновременно съ нашими. Это указывало на то, что стоянка продлится недолго. Дѣйствительно, черезъ полчаса раздался приказъ строиться и чаю такъ и не удалось выпить...

Звѣрства австрійцевъ.

Трупы сербскихъ юношей, найденные послѣ набѣга на сербскую деревню австрійскихъ войскъ.

Мы прошли верстъ шесть. По дорогѣ два раза пришлось останавливаться, чтобы дать возможность проскакать нѣсколькимъ кавалерійскимъ полкамъ, и я былъ весьма радъ этимъ остановкамъ, такъ какъ въ одну изъ нихъ намъ позволили, наконецъ, напиться чаю... Очевидно, кавалеристамъ пришлось быть въ движеніи всю ночь, и—озябшіе, немало сонные—они, проѣзжая, смот-

часа три. Около одиннадцати часовъ по дорогѣ намъ стали попадаться трупы австрійцевъ... Помню, особенно неприятно подѣйствовало на меня одинъ: изъ неглубокой канавы торчала нижняя часть тѣла и согнутыя въ колѣняхъ ноги. Голова же, грудь, плечи и руки были въ водѣ. Очевидно, пуля попала въ него въ тотъ моментъ, когда онъ нагнулся къ канавкѣ, чтобы напиться...

Трогательная сценка—англійскіе солдаты, высаженные во Франціи, братаются съ французскими солдатами...

рѣли на насъ съ завистью...

Гдѣ находился непріятель—мы не знали.

Солдаты шли молча, хотя послѣдняя команда была «вольно» и была возможность говорить. Помню, я шель, прислушиваясь къ разнѣреннымъ звукамъ нашихъ шаговъ и мечтавъ увидѣть наконецъ, во-очью врага и, въ особенности, войти въ какой-нибудь изъ взятыхъ нами городовъ.

Дорога почти все время шла въ гору. Нашихъ развѣздовъ не было видно. Около семи часовъ раздалась команда «стой». Мимо насъ проскочило нѣсколько ординарцевъ. Гдѣ-то, очень далеко, раздалась пулеметная и ружейная стрѣльба. Я подумалъ, что насъ перестроютъ цѣпью, и будетъ отданъ приказъ стрѣлять, но ошибся.

Раздался приказъ: «бѣгомъ». Мы пробѣжали не больше версты. По дорогѣ мы встрѣтили нашихъ развѣдчиковъ. Очевидно, непріятель находился вблизи.

Черезъ полчаса мы лежали въ цѣпи и стрѣляли. Еще черезъ полчаса сдѣлали довольно большія перебѣжки, продолжая стрѣлять. Я командовалъ звеномъ—четырьмя солдатами. И даже командуя такой крохотной (самой маленькой) боевой единицей, я чувствовалъ, какъ это пріятно имѣть въ своемъ распоряженіи понимающихъ, толковыхъ и прямо-героическихъ солдатъ. Я прямо не узнавалъ простоватаго неуклюжаго Яшкина, Семенова и другихъ, входившихъ въ мое звено, такъ они были самостоятельны въ цѣпи и сметливы! Мы при каждой перебѣжкѣ находили великолѣпныя условия для стрѣльбы лежа: то большіе камни, то вывороченныя деревья, то канавки, то насыпи.

Стрѣлять цѣпью пришлось, въ общемъ,

Врагъ отступалъ, причѣмъ отступалъ такъ поспѣшно, что даже конницѣ не легко было его преслѣдовать...

Мы же расположились бивуакомъ по обѣ стороны широкой шоссеиной дороги. Винтовки въ козлы не разрѣшили составить, но скатки разрѣшили снять. Часть офицеровъ отправилась въ ближайшую деревню—для устройства наблюдательнаго пункта.

Солдаты были настроены весело. Кто-то показывалъ австрійскую винтовку, подобранную во время перебѣжекъ.

Я чувствовалъ легкую усталость. Хотѣлось спать.

Послѣ обѣда, устроеннаго на полѣ, мы опять двинулись впередъ. Шли очень долго, съ небольшими остановками. Этотъ переходъ сильно утомилъ всѣхъ. Затѣмъ впереди насъ завязалась пере-стрѣлка. Это наши выбивали изъ деревни небольшой австрійскій отрядъ. Нашъ полкъ не участвовалъ. Работали только нѣсколько батальоновъ.

Вскорѣ деревня была очищена отъ австрійцевъ. Въ ней оказалось много чистенькихъ домовъ и много пищевыхъ запасовъ. Остатокъ дня мы провели въ ней и превосходно отдохнули.

Вотъ какъ прошелъ у меня одинъ боевой день. Что будетъ завтра—не знаю. Но чувствую, что какія бы ни были трудности и опасности—меня походу не утомитъ и это исключительно потому, что у каждаго русскаго воина сейчасъ есть большой личный интересъ къ войнѣ, есть личное и горячее желаніе во что бы то ни стало побѣдить врага. А съ такимъ желаніемъ—никакіе, даже самые отчаянные боевые дни не страшны.

ГРЕЦІЯ ГОТОВА.

(Путевыя замѣтки).

1.

Большой бѣлый флагъ, широкій, на длинномъ древкѣ, и по всему полю огненные, призывныя, будоражащія слова:

— Вместе съ Россіей на турокъ!
Водримъ крестъ на нашу Аѳя-Софію!!!
Аѳя-Софія...

Великолѣпный, знаменитый храмъ Константины—очагъ христіанства, очагъ православія.

Спросите любого уличнаго мальчишку, спускающаго съ свѣжимъ выпускомъ,

2.

Такъ почти каждый день. Здѣсь ждутъ сигнала изъ Константинополя—и лишь только раздраемая домерзшими демагогами Турція—этотъ «большой чловѣкъ» Европы, вздумаетъ откликнуться на заманчивыя обѣщанія «щедрого» кайзера, сейчасъ же греческія войска, еще два года тому назадъ громившія турокъ подъ Салониками, ворвутся въ Турцію.

А флотъ, уже готовый и мобилизован-

ческой дороги въ полчаса доставляеть васъ въ ширейскую гавань.

Тѣсь мачтъ, флаги всѣхъ націй, ипострашныя канонерки, комфортабельные «ллойды» и «мессажеры» и неуклюжіе грузовики, отмахавшіе тысячи миль изъ Аргентины или Цейлона.

Бухта Пирея—словно ее выльбили шаловливый ребенокъ, на пляжѣ!

Заливы, острова, мысы, холмы, то круто обрывающіеся въ голубую лазурь Средиземныхъ волнъ, то спускающіеся низкимъ—песокъ прямо бархатъ—пляжемъ.

Но обстановка здѣсь не курортная: форты, батареи, укрѣпленія, разбросанные по всѣмъ угламъ залива, говорятъ о томъ, что греки хорошо защитили свою древнюю столицу.

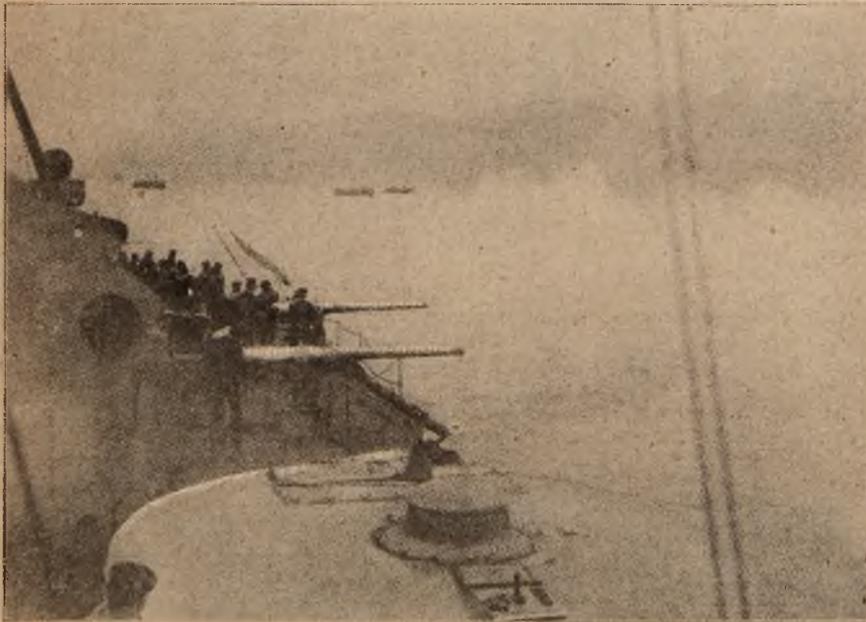
А тамъ, на горѣ, Акрополь, залитый утреннимъ солнцемъ. Даже стсюда за десять—пятнадцать верстъ видна гигапская брешь въ храмѣ Аѳины Паллады.

Четыреста лѣтъ назадъ венеціанскій адмиралъ, непобѣдимый Моразини, велѣлъ направить на античныя колонны пушки своихъ галеръ.

И венеціанскія ядра сдѣлали въ нѣсколько минутъ больше, чѣмъ толны янычаръ, превратившихъ греческое чудо въ казарму.

3.

На рейдѣ необыкновенное оживленіе. Всѣ хотять проводить эскадру.

Учебная стрѣльба на греческомъ броненосцѣ «Аверовъ».

еще пахнувшимъ острой типографской краской «Неагимера». — Скажите ему: «Аѳя-Софія» и этотъ черномазый, щупленькій, оборванный мальчуганъ, оборотливый и крикливый, какъ и всѣ современные эллины, схватитъ васъ за полу, за нуговицу и будетъ говорить горячо, страстно говорить о томъ, какъ и когда греки побѣдятъ ненавистныхъ турокъ, какъ войдутъ они въ желанный Константинополь и водрузятъ «нашъ» крестъ на Аѳя-Софію.

И какъ при этомъ засверкають глазки восьмилѣтняго патріота! Загорится весь...

Толпа шла по улицамъ Аѳинъ; нѣбли національный и русскій гимны, несли флаги съ надписями. Улицъ въ греческой столицѣ немного. И толпы манифестантовъ проходятъ по «Годосъ Стадіу», возвращаются—и еще разъ, много разъ вливаются живой волной въ бѣлый мраморный проспектъ...

ный еще вчера внушительной вереницей черныхъ бронированныхъ силуэтовъ, потянулся на сѣверъ.

Туда—къ Дарданелламъ!

Къ этому мистическому турецкому ключу, которымъ «честный маклеръ» берлинскаго конгресса, вырвавшій результаты нашихъ балканскихъ побѣдъ, заперъ Черноморскій флотъ...

Я съ утра поѣхалъ въ Пирей, откуда уходила греческая эскадра.

Пирей—аѳинскій портъ, въ сѣдья времена античной Греціи, былъ соединенъ съ городомъ каменными стѣнами—однимъ изъ шедевровъ антическаго зодчества.

Теперь отъ этихъ легендарныхъ стѣнъ даже камня не осталось. Время, турецкіе погромы и пушечныя ядра похоронили «Вольныя стѣны».

Зато теперь греки выстроили на этомъ мѣстѣ метрополитанъ.

Удобный вагонъ подземной электри-

Значекъ «Лиги смѣрти»—союза въ Сербіи, члены котораго поклялись неприимиримой ненавистью къ Австріи.

„Будущее Германии—на водѣ...“

Германскій флотъ, едва спасшійся отъ полного разгрома англійскими эскадрами и «благополучно отдыхающій» въ Килѣ...

Лодки, катера, пароходы спѣшатъ къ небольшому острову, откуда слышится греческая эскадра.

Прямо передъ нами неподвижно, словно вросъ въ голубую волну—гигантъ, гордится греческаго флота, броненосецъ «Аверовъ».

Это самое большое военное судно у грековъ.

Что же этотъ вездѣущій, таинственный Аверовъ?

Аверовъ—знаменитый греческій меценатъ. Сказочный богачъ, миллионеръ Аверовъ родился въ Афинахъ бѣднякомъ. Въ ранней молодости онъ уѣхалъ за границу искать счастья.

Прошло нѣсколько лѣтъ и объ Аверовѣ заговорили. Передаютъ о его басно-

но сынъ Эллады, достигнувъ колоссальныхъ богатствъ, не забылъ своей родины.

И начинаетъ онъ благотворить своей бѣдной капиталами отчизнѣ.

Аверовъ строитъ музеи и школы, Аверовъ строитъ университетъ и Академію искусствъ, Аверовъ строитъ театры и больницы. Наконецъ Аверовъ преподноситъ Греціи царскій, великолѣпный подарокъ—громадный броненосецъ! И благодарные греки называютъ жемчужину своего флота именемъ щедрого мецената.

На палубѣ броненосца собралась вся команда.

Идетъ молебенъ.

Матросы и офицеры набожно крестятся.

Последнія приготовления.

Скрипятъ канаты, суетятся матросы, слышится энергичная команда.

И черезъ нѣсколько минутъ «Аверовъ» уходитъ въ море, оставляя послѣ себя длинную полосу коричневаго дыма. За нимъ выходятъ крейсера, обгоняютъ его миноносцы, и скоро вся эскадра едва-едва видѣется на горизонтѣ.

А еще минута, и только двѣ полосы дыма рѣбютъ надъ сверкающимъ солнечными глазами моремъ.

Флотъ ушелъ къ Дарданелламъ!..

4.

Утромъ Константинополь.

Стамбулъ, городъ роскоши и крохи, съ зелеными берегами садовъ, съ фантастическимъ амфитеатромъ сбѣгающихъ прямо въ воду мраморныхъ колоннадъ, съ лѣсомъ минаретовъ и куполовъ.

Пассажиры засуетились:

— Вотъ «Гобель» и «Бреслау»... вотъ, вотъ... Смотрите... стоять...

Мы подходили къ пристани.

С. Л.—ий.

Патріотическій крестный ходъ во время молитвы у Казанскаго собора въ Петроградѣ. (Снимокъ А. Поповаго).

Слово «Аверовъ»—на всѣхъ эвническихъ углахъ. Иностранецъ, попадающій въ греческую столицу, становится въ подлестіи пресловутаго «Канитферитана». Всюду и вездѣ «Аверовъ»!

Лучшій ресторанъ въ городѣ—«Аверовъ», гостиница, театръ, школы, музеи—всюду «Аверовъ». Даже мальчики щеголяютъ въ матросскихъ фуражкахъ съ лентами «Аверовъ»...

словныхъ поставкахъ въ русскую армию во время турецкой войны, о грандіозныхъ подрядахъ въ Константинополь. Аверовъ уже крупный дѣлецъ на Балканахъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ переезжаетъ въ Египетъ и начинаетъ заниматься продажей опиума.

Десятки, сотни тысячъ, миллионы, много миллионѣвъ зарабатываетъ Аверовъ.

Мобилизація въ Турціи.

Одна изъ картинъ мобилизаціи турецкихъ запасныхъ въ Константинополь.

ЯВАШЪ.

(Отъ нашего корреспондента.)

Константинополь.

Городъ нашъ попрежнему представляетъ военный лагерь. Куда ни глянешь — отряды пѣхоты и артиллеріи. Здѣсь, подлѣ Касимъ-паша, молодой прусскій офицеръ, одѣтый въ малиновую феску, учитъ ружейнымъ приѣмамъ взводъ анатолийскихъ турокъ запасныхъ; тамъ, подлѣ Галатской башни, другой такой-же трансформированный пруссакъ учитъ добровольцевъ маршировку. Взадъ и впередъ по Перѣ и Галатѣ мчатся обозы съ сѣномъ, снарядами, пролетаетъ единственный блиндированный автомобиль — гордость турецкой націи. Двое аскеровъ съ бою отбигаютъ у водовоза его полуслѣпую, шелудивую клячу. Шествуютъ весело нѣмецкіе резервисты, не попавшіе на родину и зачисленные, по распоряженію германскаго правительства, въ турецкую армію. Резервисты одѣты въ фесы, и комичное, почти балаганное впечатлѣніе производятъ всѣ эти Гансы, Карлы и Юганны, превращенные въ османлисовъ. И каждый день изъ Австріи и Германіи прибываютъ поѣзда и пароходы подъ нейтральнымъ флагомъ съ аммуниціей и снарядами. Вчера только прибылъ пароходъ съ пятью тысячами шинелей, патронташами и динамитомъ. Заботливость кайзера доходить до того, что для нуждъ милой сердцу его турецкой арміи онъ послѣднимъ транспортомъ переслалъ тысячу коробокъ какао и столько же коробокъ бисквиту.

Вмѣстѣ съ какао, бисквитами и прочимъ продолжаютъ прибывать безъ конца и германскіе военные чины. Они выаживаются частью въ Константино-

поль, частью въ Санъ-Стефано и Адриано-поль.

Фактически Константинополь сейчасъ — нѣмешкій городъ. Повсюду въ кафе, на улицахъ, площадяхъ, магазинахъ — нѣмцы, и только слышишь нѣмецкую рѣчь.

Вчера можно было наблюдать на Перѣ любопытную картину — шла толпа нѣмецкихъ резервистовъ съ портретомъ кайзера и распѣвала патріотическія пѣсни, а высипавшіе на крыши и въ окна турки кричали: — яшасимъ — да здравствуетъ!

Съ истинно-восточной вѣжливостью они встрѣчаютъ германскихъ гостей, принимаютъ ихъ подарки, яшасются съ ними, рассыпаются въ уваженіи къ ихъ націи и кайзеру, возятъ ихъ по укрѣпленіямъ, устраиваютъ для нихъ специально смотръ и парады, допускаютъ на свои засѣданія. Турція, какія-бы золотыя горы ни сулила ей Германія, явно труситъ. Бисмаркъ на что уже человекъ дальновидный и то отечески предостерегалъ своихъ воинствующихъ и зарывающихся единоплебниковъ: «Дѣти, только не трогайте Россіи». Россія представлялась ему огромнымъ медвѣдемъ, котораго не стоить раздражать и вызывать изъ берлоги. Вызвалъ же его Наполеонъ и не мало наплакался. Турція это хорошо сознаетъ и пятится, какъ пугливый конь, не взирая на всѣ науськиванія и понуканія нѣмцевъ.

Отсюда и понятно нервничаніе Берлина. Телеграфныя сношенія между Портой и Берлиномъ не прекращаются ни днемъ, ни ночью. Германія извѣстенъ характеръ османлиса и его знаменитое и анекдотическое «явашъ» — помаленьку. Что-бы ни происходило на его глазахъ — пожаръ, землетрясеніе, онъ на всю нашу суегу и волненіе отвѣчаетъ: «явашъ». Онъ все дѣлаетъ медленно, не торопясь, позѣвывая и съ прохладцей.

Германія поэтому пускается на все, чтобы расшевелить инертнаго турка и скорѣе заставить его объявить войну. Для этой цѣли въ послѣдніе дни она, на саженныхъ плакатахъ и столбахъ

турецкихъ газетъ, публикуетъ бюллетени своего штаба о ходѣ войны, причемъ немилосердно преувеличиваетъ свои побѣды.

По ихъ словамъ, англичане, бельгийцы, французы, русскіе таютъ, какъ снѣгъ на солнцѣ, подъ ихъ натисками, и орудія ихъ выметаютъ изъ строя десятки корпусовъ.

Попадаются такія строки въ бюллетеняхъ:

«Вчера надъ Брюсселемъ летали пятнадцать цеппелиновъ и брошенными бомбами разрушили сто улицъ и уничтожили десять тысячъ жителей».

«Надъ Варшавой побѣдоносно вѣетъ знамя Гогенцоллерновъ».

«Огъ двухсоттысячнаго населенія русскаго города Калиша осталось нѣскольکو семействъ».

«Взято въ плѣнъ черными гусарами семьсотъ казаковъ».

«Потоплены вчера въ морскомъ боѣ шесть англійскихъ подводныхъ лодокъ».

Турки читаютъ эти бюллетени, и одни вѣрятъ, другіе покачиваютъ головами. Несомнѣнно — дѣйствіе этихъ бюллетеней на поихику турка огромное. «Ишшала. Что если нѣмцы такъ сильны, что быть всѣхъ, то отчего намъ не присоединиться къ нимъ? Кто знаетъ: если они побѣдятъ, то намъ вернуть отобранныя земли и Турція засяетъ, какъ и во времена Магомета второго».

Вчера еще всюду на базарахъ и въ кафе говорили объ окончательномъ рѣшеніи Турціи двинуться къ границамъ, и Сандерсъ ликовалъ. Но сегодня Турція опять раздумала. Напугалъ слухъ, что въ случаѣ активнаго выступленія ея, Англія и Франція объявятъ ей войну: — Алла, иль Алла.

Трудно ей бороться съ Россіей, да еще съ Франціей и Англіей. Пройдетъ еще день — два и навѣрное она скажетъ кайзеру: — «ради Бога, возьмите обратно ваше какао, бисквиты и Сандерса — не хотимъ воевать, войте сами. Съ насъ достаточно уроковъ послѣдней войны!»

Джаффаръ-бей.

ЕВРЕЙ-СТРѢЛОКЪ.

Въ нѣсколькихъ бояхъ серьезно раненый отставной стрѣлокъ 4-го восточно-сибирскаго полка еврей Юсифъ Гулишъ подалъ на этихъ дняхъ прошеніе на имя Верховнаго Главнокомандующаго, съ ходатайствомъ о зачисленіи его добровольцемъ въ дѣйствующую армію, слѣдующаго содержанія:

«Въ настоящее тяжелое для Россіи время, когда каждый знающій и опытный въ военномъ дѣлѣ человекъ можетъ и долженъ принести пользу родинѣ, я пожелалъ стать добровольцемъ въ ряды дѣйствующей арміи, надѣясь знаніемъ, опытомъ и боевымъ духомъ послужить родинѣ, но меня не приняли, вслѣдствіе того, что я уволенъ вовсе отъ службы по болѣзни. Хотя здоровье мое и гордовано, но духомъ я бодръ и не лишенъ совсѣмъ возможности владѣть оружіемъ.

«Боевой духъ солдата, которымъ я проникъ въ теченіе шестилѣтней боевой жизни въ рядахъ русской арміи, не можетъ успокоиться въ такое великое событіе для Россіи, какъ отечественная война.

«Врагъ серьезенъ и силенъ, но я вѣрю въ успѣхъ русскаго оружія.

«Какъ боевой русскій солдатъ, я не могъ примириться съ мыслью, что не приму участія въ настоящей послѣдней войнѣ.

«Гдѣ душа, тамъ и тѣло. Тамъ, гдѣ сражается русская армія, тамъ и мое мѣсто.

«Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Высочество, дабы позволено было принять меня въ ряды дѣйствующей арміи».

Цѣлью всей своей жизни Юсифъ Гулишъ поставилъ—доказать на дѣлѣ, что

все рассказы о еврейской трусливости вымышлены враждебно относящимися къ евреямъ людьми.

Награжденный за свою храбрость тремя Георгіевскими крестами — 4-й, 3-й и 2-й степеней, Гулишъ не успокаивается, не почіеть на лаврахъ, а всеми способами старается проникнуть въ ряды дѣйствующей арміи, чтобы принять участіе въ «такоемъ великомъ событіи, какъ отечественная война».

Закаленный въ бояхъ духъ этого истиннаго солдата, три раза раненаго, неудержимо толкаетъ его на ратное поле, — несмотря на то, что, по свидѣтельству осматривавшихъ его, онъ «не годится», — потому что онъ знаетъ, что, хоть и забранованный, онъ не лишенъ совсѣмъ возможности владѣть оружіемъ!

Пусть не такъ хорошо держать его ноги, но руки — цѣлы, крѣпко плечо, глаза видятъ и мѣткій стрѣлокъ въ немъ еще живъ!

Да не подумаетъ читатель, что Гулишъ интересуется только войной, походами, что онъ — поэтъ войны, нѣтъ, Юсифа Гулиша занимаютъ и вопросы религіи, науки, онъ прекрасно говоритъ и думаетъ о Христѣ.

Вернувшись изъ японскаго плѣна въ Россію, Гулишъ прочелъ въ «Новомъ Времени» статью Розанова о трусости евреевъ и написалъ ему отвѣтное письмо, проникнутое негодованіемъ.

Даже на Розанова это письмо произвело большое впечатлѣніе, и онъ написалъ еврею Гулишу:

«Я васъ горячо благодарю, уважаемый г. Гулишъ, за прекрасное ваше письмо, гдѣ вы такъ хорошо говорите о религіи, Христѣ и наукѣ.

«Я и всегда думалъ и думаю, что ев-

Одинокая прогулка.

Австрійскій императоръ Францъ-Юсифъ на прогулкѣ. Невеселыя сейчасъ прогулки у престарѣлаго императора, омрачившаго закатъ своей жизни неправой и позорной для себя и своей арміи войной...

Сильные и слабые.

Англійскій пѣхотный отрядъ, охраняющій одинъ изъ пограничныхъ бельгійскихъ городковъ отъ разгрома его отрядами германцевъ.

реи по живому чувству религіи — не соръ Россіи, какъ кричатъ злые, непонимающіе люди.

«Поразительно для меня, что, несмотря на переживаемыя горести, обиды и униженія, они такъ любятъ Россію и русскій народъ.

«Это я наблюдалъ и въ престопаздѣ еврейскомъ, и въ образованныхъ евреяхъ.

«Дай Вамъ Богъ здоровья и всего добраго вамъ и домочадцамъ вашимъ, ибо евреевъ нѣтъ безъ домочадцевъ».

«Посылаю вамъ свою книгу.

«Жму руку. Вашъ В. Розановъ».

Шустышичъ.

СМЪШНОЕ ВЪ СТРАШНОМЪ.

Вильгельмъ.—Вы думаете, что я тону? Ничего подобнаго—я только учусь нырять...

Одинъ греческій философъ сказалъ, что только скверный человекъ ожидать отовсюду пакости. Поведеніе плѣнныхъ нѣмцевъ сильно подтверждаетъ изреченіе философа.

Во обществѣ ходитъ такой анекдотъ. Плѣнный нѣмецкій солдатъ ѣдетъ въ поѣздъ, робко озирается по сторонамъ и отказывается со всѣми разговаривать.

— Ты чего?—спрашиваютъ его солдаты.

— Вѣшайте скорѣе,—съ трудомъ произноситъ нѣмецъ по русски,—не мучьте ужь...

— Да кто тебя мучаетъ и зачѣмъ тебя вѣшать?

— Такъ, вѣдь, я-же военноплѣнный...

— Это у васъ вѣшать, а у насъ нѣтъ.

— Такъ чего-же вы раньше не сказали,—весело вскрикиваетъ нѣмецъ,—насъ бы тогда нѣлая компанія къ вамъ собралась...

О берлинскихъ настроеніяхъ рассказываютъ такъ.

На одной изъ большихъ улицъ Берлина взбѣшенная нѣмецкая толпа набросилась на группу какихъ-то желтолицыхъ людей и начала ихъ бить.

— Позвольте намъ сказать...—закричалъ одинъ изъ нихъ, но толпа еще бѣшеннѣе набросилась на нихъ.

— Еще разговариваютъ... Вей ихъ, японцевъ!

— Позвольте вамъ сказать...

— Ахъ, японки... Воюютъ съ нами, а еще разговаривать... Вей ихъ сильнѣе...

— Позвольте...

Удары посыпались сильнѣе. Когда избитые упали на землю, толпа разбѣжалась.

Вдругъ одинъ изъ побитыхъ подымается и начинаетъ громко хохотать.

— Ты чего?—возмущенно отозвались другіе.

— Ну, и здорово-же мы ихъ падули,—сказалъ веселый человекъ,—они думали, что мы японцы, а мы только китайцы...

У Вильгельма одна рука короче другой.

Есть полу-историческій анекдотъ, что во время его ссоры съ Бисмаркомъ онъ крикнулъ канцлеру, что тотъ не сможетъ захватить власть надъ всей Германіей.

— Руки не доросли!

Бисмаркъ язвительно улыбнулся и отвѣтилъ:

— У вашего величества, кажется, здѣя уже переросла другую...

У солдатика зашелъ разговоръ съ плѣннымъ нѣмцемъ:

— Кто вѣжливѣе: мы, или нѣмцы?

— Мы,—сказалъ нѣмецъ,—посмотрите-ка, какіе мы гостепріимные хозяе-

ва. Какіе русскіе были у насъ въ гостяхъ по курортамъ, до сихъ поръ сидятъ у насъ—не пускаемъ...

— Нѣтъ, мы,—говоритъ солдатикъ,—мы послѣ сраженія вашихъ солдатъ въ Россію на поѣздахъ веземъ, а сами въ Берлинъ нѣшечкомъ идемъ...

Одинъ раненый рассказываетъ о такой сценкѣ.

Солдаты нашего разбѣзда встрѣтились съ австрійскими, заѣли оба въ деревушкѣ и началась перебранка черезъ дорогу по польски.

Послѣ перебранки одинъ изъ австрійцевъ спросилъ:

— Почему это у васъ музыку слышно изъ авангарда?

— Начальствомъ приказано...

— А я знаю почему—чтобы умирать было веселѣе...

— Врете, голубчики... А у васъ гдѣ оркестры-то?

— Оркестры сзади...

— А для чего они тамъ?

— Это ужь ихъ дѣло.

— А я знаю для чего... Для того чтобы бѣжать было веселѣе...

Л. Аркадскій.

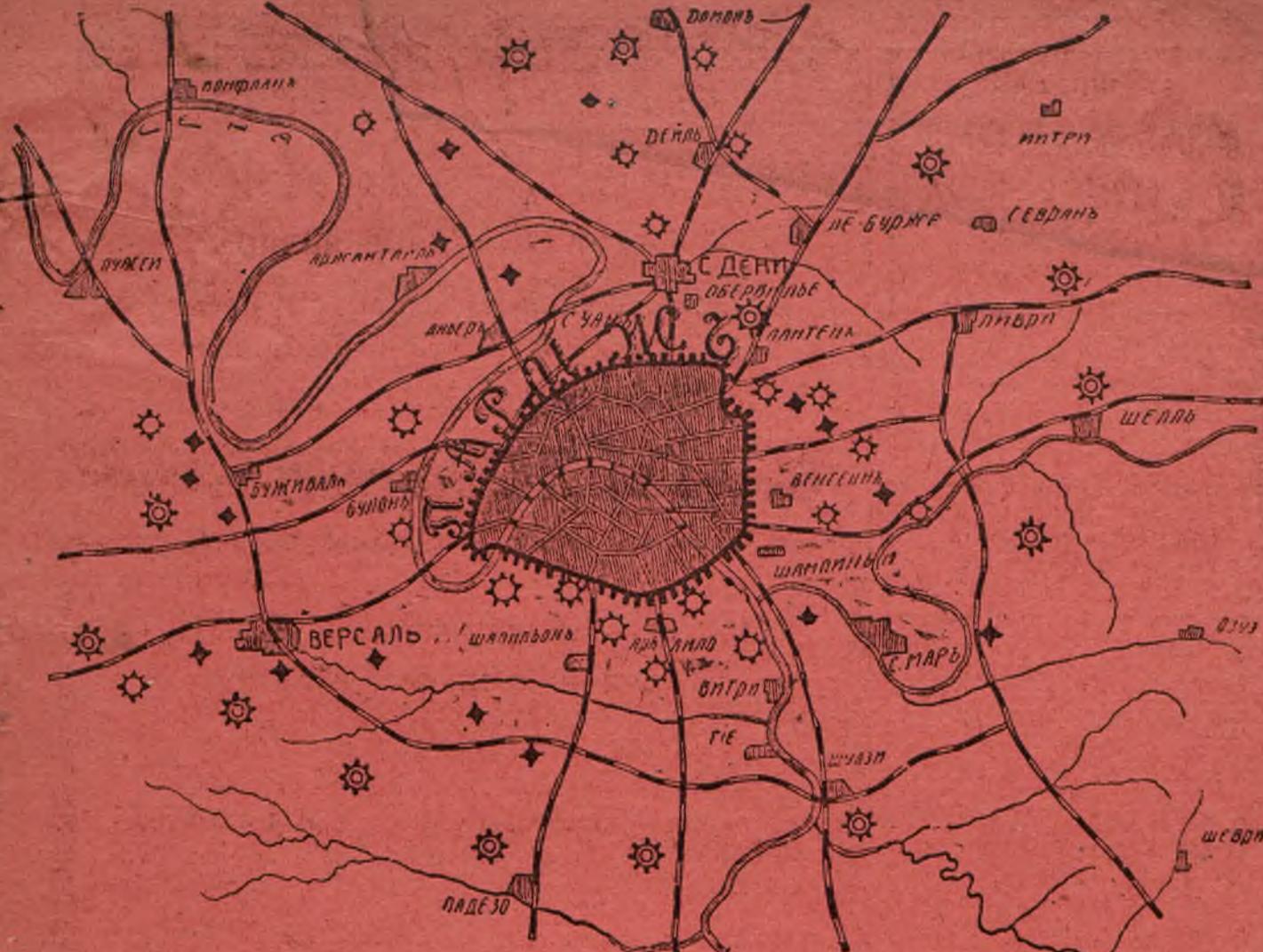
Вильгельмъ за работой.

ЦУНЬ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 336533

Париж и его окрестности. Къ боямъ вѣкругъ Парижа. (Спец. планъ для «Всем. Панорамы»)

Около войны.

Нѣмецъ въ анекдотахъ.

Слово «свинья» въ большемъ ходу у нѣмцевъ. Если нѣмецъ хочетъ спросить васъ—повезло-ли вамъ въ чемъ нибудь, онъ говоритъ:—габенъ ви швайненъ гегабтъ? что въ точномъ переводѣ означаетъ:—имѣли-ли вы свиней?

Пріѣхалъ въ Берлинъ русскій и побывалъ на скачкахъ. Когда онъ вернулся домой, хозяинъ спрашиваетъ его:—Габенъ ви швайненъ гегабтъ?

— То есть, какъ свиней? Какихъ свиней?—не понялъ тотъ.

Хозяинъ ухмыльнулся, потрепалъ его по плечу и объяснилъ значеніе этого вопроса. Онъ спрашивалъ— повезло ли ему на скачкахъ!

Русскій разсмѣялся и намоталъ себѣ на усъ урокъ нѣмца.

Черезъ нѣкоторое время этотъ самый хозяинъ праздновалъ день своего рожденія и пригласилъ квартиранта-русскаго. На именинахъ было много народу. Пили, ѣли и танцевали.

Хозяинъ, размякшій отъ пива, подошелъ къ русскому и спросилъ, указывая на полную, слобную и голубоглазую нѣмочку:

— Танцевали ли вы уже съ моею дочерью?

Русскій съ серьезнѣйшимъ лицомъ отвѣтилъ по-нѣмецки:

— Nein, dies Schwein (свинья) habe ich noch nicht gehabt—этого счастья я еще не имѣлъ.

Солдатское жалованье въ Англіи.

Въ началѣ XIX столѣтія въ Индіи за наемщика-замѣстителя въ милицію платили 630 рублей. По прошедшему въ 1804 г. закону, плата пѣхотинцу была установлена въ 160 рублей, а кавалеристу—въ 136 рублей... Незадолго до индійской войны жалованіе солдату индійской арміи было уменьшено до 11 гиней. Но всякая война, производившая опустошеніе въ рядахъ арміи, влекла за собою повышеніе солдатскаго жалованія. Такъ, послѣ индійской войны оно было снова повышено, понизившись ватѣмъ до 7 гиней, и снова повысилось послѣ крымской кампаніи. Вообще Англія старается привлечь въ свою армію людей тѣмъ, что всячески улучшаетъ ихъ положеніе и платитъ имъ хорошіе оклады. И въ настоящее время всякій запасной, остающійся на службѣ, получаетъ на всемъ готовомъ отъ 100 до 150 рублей въ годъ, сумма, какая едва ли можетъ оставаться у рабочаго за вычетомъ его расходовъ.

Редакторъ Б. А. Катловкеръ.
Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка»
въ лицѣ представителя М. Городецкаго,

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Новый романъ М. РАСКАТОВА

ВЪ ВОДОВОРОТЪ

(Антонъ Кречетъ).

Цѣна 40 коп.

Наложнымъ платежомъ 70 коп.

Главный складъ изданія:

Петроградъ, Лиговская, 111-113.
магазинъ

„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“

Расцѣпка строительныхъ работъ

и справочная книга по строительной части. На 1914 годъ.

Составилъ М. Т. Смирновъ.

Цена книги 1 руб. 75 коп., съ пересылкой и налог. плат. 2 руб. 10 коп.

Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“, Петроградъ, Лиговская ул., 111-113.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ
ВЪ ПРОДАЖУ

**Журналъ-листочка
„ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“**

ЦѢНА 6 КОП.

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ.

**Почва и самая полная
Школа кройки и шитья**

данскихъ и датскихъ народныхъ
книгъ роскошно илл. со множествомъ
очень рисунковъ. Ц. 2 р. 75 к., съ
перес. и залож. платок. — 3 р. 25 к.

Книжный магазинъ
„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“
Петроградъ, Лиговская, 111-113.

Руководство для машинистовъ.

1) Руководство для машинистовъ
по уходу за паровыми машинами, съ
30 рисунковъ.

Составилъ П. А. Федоровъ.
Цѣна книги 60 коп., съ пересыл. и за-
ложек. платок. 76 к.

**2) Катехизисъ паровознаго
машиниста.**

Новѣйшее полное руководство къ вопро-
самъ и статьямъ.
Составилъ Н. Крутинскій.
Цѣна книги 1 руб. 60 коп., съ пересыл. и
залож. плат. 2 р. 04 к.

**3) Автоматическій тормазъ
Вестингауза.**

Подробное описание тормазовъ, его дѣйствій,
а также руководство къ управленію имъ и
починкѣ при случайной порчѣ, съ 18 илл.
изъ отъѣздовъ, листовъ.

Составилъ Л. Гривенскій.
Цѣна книги 80 коп., съ пересыл. и заложек.
плат. — 76 коп.

Всѣ три книги вмѣстѣ высылаются съ
залож. плат. за 3 р. 16 коп., только по
полученіи заказа (за месяц 1 руб.).
Петроградъ, Лиговская 111-113, Книжный
магазинъ „Книжный Поставщикъ“.

**ПРОИЗВОДСТВО
ДРОБИ.**

Практическое руководство по изготовленію
кустарныхъ и фабричныхъ способами дробъ
различныхъ калибровъ. Съ 21 рисункомъ.

Составилъ П. А. Федоровъ.
Цѣна книги 30 коп., съ пересыл. и залож.
плат. 40 к.

Книжный магазинъ „Книжный Постав-
щикъ“. Петроградъ, Лиговская, 111-113.

Руководство для художниковъ.

1) Художникъ-любитель.

Практическое руководство для молодыхъ
любителей по приготовленію р. различныхъ
художественныхъ украшеній. Съ 20 рисун-
ками. Цѣна книги 60 коп., съ пересыл. и
зал. плат. 76 коп.

**2) Художественное выпиливаніе
и высверливаніе.**

Ажура и выкружаста. Съ 120 рисунками.
Составилъ А. Кромидъ.

Цѣна книги 1 руб. съ пересыл. и зал.
плат 1 р. 75 к. Обѣ книги вмѣстѣ выси-
лаются съ залож. плат. за 1 р. 83 коп.

Книжный магазинъ
„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“
Петроградъ, Лиговская, 111-113.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на „ГАЗЕТУ-КОПѢЙКУ“**

съ 1-го сентября по 1-ое января 1915 г.

Подписная цѣна на 4 мѣс. — 1 р. 55 к.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Петроградъ, Акц. О-во Изд. Дѣла „КОПѢЙКА“, Лиговская, 111-113, с. д.

Приготовленіе различныхъ напитковъ

1) Прохладительные напитки.

Практическое руководство къ быстрому и дешевому приготовленію различныхъ домаш-
нихъ квасовъ, фруктовыхъ и ягодныхъ водъ, морсовъ, сироповъ, сосисовъ, оклада, шербета,
кремлевъ, пунша, фруктовыхъ, пенучихъ и обыкновенныхъ легкихъ винъ, искусст-
венныхъ минеральныхъ водъ, лимонадовъ и проч.

Составилъ П. А. Федоровъ.

Цѣна книги 35 коп., съ пересылкой и наложеннымъ платежомъ 60 коп.

2) Опытный винокуръ-любитель.

Полная школа винокуренаго производства приготовленія пива, меда и пенучихъ на-
питковъ. Необходимый заготовникъ по винокурению, винодѣлію, пивоваренію и медо-
варенію. Приготовленіе водокъ, ликеровъ, наливковъ, искусственныхъ виноградныхъ винъ,
рома, козачка, арака, бальзамовъ, разныхъ сортовъ киселъ, кислыхъ щей, искусственныхъ
шампанскаго, игристыхъ и минеральныхъ водъ.

Составилъ Л. И. Шустовъ.

Цѣна книги 80 коп., съ пересыл. и зал. плат. 90 коп.

3) Опытный домашній Квасоваръ.

Домашнее приготовленіе пенучихъ напитковъ. Искусственными минеральными водми.
Ягодными и фруктовыми водми. Квасомъ, пивомъ, медомъ, бузой и бѣгомъ.

Составилъ П. И. Макаровъ.

Цѣна книги 1 руб., съ пересыл. и зал. плат. 1 р. 30 коп.

Всѣ три книги вмѣстѣ высылаются съ наложеннымъ платежомъ за 2 руб. 35 коп.
Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“.
Петроградъ, Лиговская 111-113.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СПЕЦІАЛЬНЫЕ НОМЕРА

ЖУРНАЛА

„Солнце Россіи“

Французскій № 1—Парижъ

Англійскій

Бельгійскій и

Слабянскій.